

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

БИНАРНАЯ ПЛАЩАНИЦА

АНДРЕЙ ФРОЛОВ

Анклавы

Андрей Фролов

Бинарная площадь

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2012

Фролов А. Е.

Бинарная плащаница / А. Е. Фролов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2012 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-59195-4

День Станции обернулся для Земли Днем Гнева Богов! Содрогнулись материки. Рухнул мирок, населенный шейхами, князьями, султанами и верхолазами. Сорок Два, тритоны которого готовы были отдать душу за дозу синдина, оказался фальшивым Пророком. А Мертвый – Кауфман обрел невиданное могущество. Но на развалинах тысячелетней цивилизации нашлись люди, сумевшие разглядеть за границами нашего мира НЕЧТО, отражающее настоящую силу Цифры. Бескрайний мир бинарного кода, тесно сосуществующий с материальным царством людей, ответил на их молитвы и даровал настоящее чудо, а с ним – надежду на спасение...

ISBN 978-5-699-59195-4

© Фролов А. Е., 2012

© Эксмо, 2012

© Панов Вадим, 2012

Содержание

Бинарный код 0	5
Бинарный код 1	13
Бинарный код 10	21
Бинарный код 11	35
Бинарный код 100	43
Бинарный код 101	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Андрей Фролов, Вадим Панов

Бинарная плащаница

Бинарный код 0

За несколько лет до описываемых событий

*Бог жаждет от человека всего несколько простых вещей:
Веры в свое существование,
Поклонения и почтения.
Я верую.
Я почитаю и преклоняюсь. Ибо видел нечто, заставившее меня
прозреть...
«Шепот цифровых идолов», пролог*

Ритм Анклавов ни с чем не перепутать.

Слабых он заставляет цепенеть, сильных – слышать боевые марши; одних он сковывает, угнетает и прижимает к земле, иных – вздымая выше скоростных магистралей, многоуровневым бетонным серпантином протянутых над деловыми районами. Ритм Анклава заставляет сердце стучать быстрее и звонче, как воспоминание о кислинке натурального лимона наполняет рот слюной...

Худой двухметровый мужчина с темными волосами до плеч реагировал на этот ритм, как если бы тот исходил из «балалайки» и звучал внутри черепной коробки. Мелодия большого города мягким теплом обволакивала затылок, по шее спускалась на плечи. Затем приобнимала, скользила еще ниже, через спину и поясницу до самых пят, заставляя слушателя ощущать себя ничтожным электроном огромной электрической сети.

Долговязый впитывал этот рваный ритм кожей, кровью, сердцем, каждой клеточкой и молекулой. Он слышал пульсацию, чему не препятствовали даже тройные стеклопакеты кафетерия, втиснутого в южный угол массивного делового центра.

Прижав тонкую руку к стеклу на уровне головы, мужчина уперся в предплечье лбом. В этой позе, олицетворявшей огромную усталость, он застыл на несколько минут. Внимательно рассматривая улицу с высоты четвертого этажа, долговязый почти дремал наяву. Улица у его ног была отнюдь не самой центральной и далеко не самой оживленной. Но шумной, подвижной, наполненной устремлениями, мечтами, затаенными желаниями и вероломством.

От дыхания на стекле оставались и таяли крохотные водянистые пятнышки. Мужчина слушал ритм Анклава, искренне веря, что тот будет звучать всегда.

Всегда.

Пока не погаснут звезды.

Посетители кафетерия на человека у окна внимания почти не обращали – мало ли какой контингент наполняет комплекс, снимая в аренду свободные этажи? На социально опасного тритона Сорок Два тот вовсе не походил, голову не брея и лишь заплетая косички так, чтобы на затылке они обрамляли разъем. На бандита из местных районных группировок тоже, равно как и на террориста.

Задумчивый наблюдатель скорее напоминал безобидного сумасшедшего, какими Анклавы в последнее время полнились с ужасающей быстротой. На измотанного жизнью спокойного безумца, заглянувшего в кафе попить местной синтетической бурды и попятиться на оживленную улицу, опоясывающую деловой центр.

– Плотник?

Голос товарища в «балалайке» заставил высокого длинноволосого мужчину вздрогнуть и упустить ритм улицы, за которым он следовал, как слушатель симфонического оркестра.

– Они приближаются.

Отлепившись от окна, Плотник пересек кафетерий и бросил стаканчик с недопитым кофейным напитком в мусорный бак на входе. Вышел на аварийную лестницу. Переступая сразу через несколько ступеней, спустился на первый этаж.

– Где ты? – спросил он напарника, одновременно через сеть предупреждая остальных членов группы о скором прибытии важного гостя.

– В холле, – тут же откликнулся Кончар. – Мобили в пределах прямой видимости, подруливают.

Плотник ускорил шаг и уже через мгновение вышел в главный холл здания. Просторный, светлый, тут же обрушивший на мужчину упругий поток цвета и звука. Посетители бизнес-центра, группами и поодиночке наполнявшие просторный грот первого этажа, гудели готовым к представлению театром.

Воинство секретарей за длинной изогнутой стойкой беспрестанно отвечало на звонки клиентов и вопросы гостей, одновременно рассылая документы, пресс-релизы и приглашения с ловкостью сетевых осьминогов. На правой стене сверкало красочное голографическое панно; лилась мягкая музыка, из динамиков под потолком звучали объявления.

Кончар обнаружился недалеко от выхода из внутренней «безопасной» зоны холла. Скучал, опираясь на невысокий заборчик из хромированных трубок. Неподалеку от него ограждение прерывалось ровным рядом сквозных сканерных кабин и грозной установкой автоматизированного наноскопа.

Вокруг техники без особенного энтузиазма суеилось несколько безов в серой мешковатой форме. Сейчас, когда безумные последователи Пророка научились ломать что угодно от тостера до дистанционно управляемого «ревуна», запасные эшелоны СБА по приказу Моратти снова выгнали на улицы. Выгнали сканировать и обыскивать по старинке, вручную, как лет сто назад, что явно не добавляло резервистам ни хорошего настроения, ни учтивости, заставляя материться сквозь фальшивые улыбки.

Плотник приветливо кивнул коренастому товарищу, замирая рядом.

На фоне долговязого Кончар выглядел жутковатым сказочным карликом. Приземистым, квадратным и тяжелоголовым, способным при необходимости протаранить бронированное стекло. Взглянул на коллегу снизу вверх, тот подмигнул и одобряюще кивнул, призывая не дрейфить.

Однако сам Плотник дрейфил.

Впервые за долгое время он испытывал необычайное волнение, какого не замечал даже при тестовом монтаже «голубого кольца». Чувствуя, как потеют ладони, глава рабочей группы «Кромлех» оперся на хромированное ограждение, уставившись сквозь разряженную толпу холла, и дальше – за внешние панорамные витрины первого этажа, где к главному входу делового центра подкатили три иссиня-черных мобилей.

Ведущий и замыкающий сразу ошетинились распахнутыми дверьми. Исторгли из своих дорогих, пропахших натуральной кожей салонов полдюжины крепких, но неприметных парней, одетых совсем не по погоде. Парочка осталась у центральной машины, остальные шустро влились в чехарду посетителей комплекса.

А затем из охраняемой машины появился он, и Плотник чуть не задержал дыхание...

В реальности человек, которого невыносимо боялись одни и столь же невыносимо почитали другие, оказался невысок. Даже, сколь бы ни была крамольной мысль, неказист. Самая обычная и повседневная одежда висела на нем, будто на вешалке, выдавая полнейшее пренебрежение к внешнему виду. Башмаки были изрядно стоптаны.

Наполеон Бонапарт цифрового мира казался усталым и измотанным, отчего Плотник вдруг испытал неожиданный укол вины и жалости. Однако тут же одернул себя, вспомнив, что история знает немало примеров, когда самые яркие ее страницы писались именно такими, отнюдь не богатырского сложения людьми...

А вот спутница важного гостя, грациозно выбравшаяся из мобиля одновременно с ним, производила совершенно обратное впечатление. Высокая, стройная, красивая, она казалась хищницей саванны, за какие-то заслуги получившей в дар великолепное женское тело.

Таковой, впрочем, она и являлась. И Плотник верил слухам, что в бою подруга важного гостя стоит всех шестерых dd, сейчас сканировавших взглядами разношерстный люд в холле бизнес-центра.

Плотнику было знакомо лицо хищницы. Не один час за последние несколько дней он провел, разглядывая эти скулы, брови, фигуру и горделивую осанку. Не на фотографиях, которые можно откопать в сети, нет. На покрытом масляными красками холсте, хранящемся восемнадцатью этажами выше холла...

Невысокий бритый мужчина и его шикарная девушка вошли в здание.

Кончар, все это время игравший в гляделки с одним из безов на посту охраны, тут же сделал последнему условный знак. Охранники зашептались, взялись якобы настраивать наноскоп. А затем вежливо попросили посетителей выждать несколько минут, да еще и раздаться в стороны, выстраивая своего рода живой коридор.

Важный гость и его спутница торопливо прошли по этому проходу, сопровождаемые недоумевающими взглядами. Миновали рамки сканеров, предварительно отключенных за щедрую плату, попали в «безопасную» зону. Все шестеро бойцов сопровождения, прибывшие в кортеже, остались во внешнем холле, и уже через секунду Плотник нос к носу столкнулся с человеком, которого боготворила вся сеть...

– Плотник, – вместо приветствия негромко произнес усталый мужчина, решившийся встряхнуть планету и не жалеющий для этого сил.

– Здравствуй, Сорок Два, – кивнул в ответ долговязый, все еще сгорая от волнения и стыда. Запоздало спохватился, кивнув девушке: – Госпожа Пума, мое почтение...

Та смолчала, внимательно разглядывая длинного и коротышку – эльфа и тролля, лично встречающих Пророка Цифры. В глазах девушки плясали крохотные чертики, вооруженные бритвенно-отточенными саблями. В ответ Кончар буквально пожирал Еву взглядом, буравя ее крохотными, глубоко посаженными глазами.

Пауза, длившаяся всего пару секунд, показалась Плотнику нестерпимо долгой.

Его распирало от желания с жаром поведать этому всемогущему человеку об открытии, к которому пришла группа. Но вполне естественный порыв упирался в непрошибаемую стену величия, окружавшую Сорок Два, тая весенним снегом. Именно Пророк, а не Плотник, должен провозгласить о свершившемся чуде. А потому следует быть сдержанным и спокойным до тех пор, пока важный гость лично не увидит творение «голубого кольца»...

– Ну, брат Плотник, – во взгляде Сорок Два проскользнула озорная прохлада, – будь гостеприимным хозяином. Покажи, куда тратятся миллионы евродинов, ежедневно собираемых нашими братьями на общее дело.

Сглотнув комок и чувствуя себя карликом, длинноволосый сделал приглашающий жест в сторону лифтов. Все четверо двинулись к кабинам, причем возле ближайшей Кончар беззлобно, но твердо заставил посторонних разойтись, расчищая путь.

– Уверен, Сорок Два, – Плотник не узнавал собственный голос, – что ты не останешься разочарован.

Вошли внутрь. Какой-то клерк сунулся следом, но наткнулся на раскрытую ладонь Кончара, смекнул и предпочел отступить. Затем похожий на сказочного тролля коренастый

машинист дал сканеру считать личный код «балалайки», открывая допуск на верхние этажи. Створки сомкнулись, лифт рванулся в путь.

– О, уверяю, мы не тратим зазря ни единого динара, заработанного нашими братьями...

– Надеюсь на это...

Сорок Два стоял ближе всех к дверям, рассматривая отражения двоих обитателей делового комплекса в хромированных створках. Пума с ленцой изучала безупречный маникюр, не забывая каждый раз занимать позицию так, чтобы одновременно видеть и Кончара, и Плотника.

Долговязый сдержал судорожный вздох.

Сейчас Пророк увидит. Узрит, если угодно. Собственными глазами, ибо пришел час. О том, куда уже завтрашним утром рванется движение нейкизма, не хотелось даже думать – от одних мыслей о столь глобальных материях кружилась голова.

– Клянусь, затраты окупились. Я верю, – пробормотал худой великан, заставив Пуму метнуть насмешливый взгляд, – что наше открытие даст нейкизму новый импульс... Оно, да будет мне позволено сказать, приблизит Эпоху Цифры, о которой проповедуешь ты, Сорок Два...

Тот обернулся.

Всем телом, посмотрев прямо на долговязого машиниста. Долго, пристально. И Плотник не смог угадать, задели Пророка его слова, или тот просто не поверил услышанному.

– Как, ты сказал, твои люди называют себя? – неожиданно спросил невысокий бритый мужчина, чуть не спаливший собственное сознание при создании Троицы.

Тему он сменил так резко, что Плотник растерялся.

– По базам данных мы проходим как рабочая группа «Кромлех». – Он окончательно стушевался, поняв, что Сорок Два все еще изучает его лицо и не собирается отворачиваться к дверям. – Я регулярно отсылаю отчеты, координация ведется через Саймона Хоста...

– Нет-нет, – мягко, но необычайно властно прервал его Пророк, – я имею в виду, как вы называете себя неформально, Плотник? Слышал, прозвище начинает приживаться в сети...

– А! – спохватился тот, чувствуя себя глупым и беспомощным. – Декомпиляторы.

– Отчего такое странное название?

Лифт кротко гудел, без лишней спешки поднимая их на девятнадцатый этаж. Сорок Два стоял к Плотнику близко-близко, заглядывая в лицо снизу вверх и пытливо не отводя глаз.

– Сложно сказать, кто придумал это определение... – Долговязый замялся, принявшись теревить кончик одной из косичек. – Видимо, все дело в том, что большинство нейкистов пишет программный код новой эпохи. Собирает крупницы реальности в единую структуру, превращая их в бинарный алгоритм подвластной машинистам вселенной. Переводит актуальные проблемы и задачи цивилизации на язык Цифры, которым вскоре заговорит весь мир...

Пророк терпеливо дожидался окончания тирады, и Плотник, вдруг почувствовав себя чуть увереннее, продолжил тверже:

– Мы же раскладываем рациональный машинный язык завтрашнего дня на новые составляющие. Мы *декомпилируем*, пытаюсь отыскать скрытое в цифровом коде. Стараемся перевести его в привычную человеку систему образов, устремлений и понятий. Мы ищем там, где другие отчаялись...

Он запнулся, не веря ушам.

В кабине только что прозвучал легкий смешок. Короткий, едва заметный.

Для того чтобы издать его, Пророку даже не пришлось открывать рот или изгибать губы.

– Действительно? – прищурился он. – А оно... это ваше нечто... оно в самом деле там есть? Там, по другую сторону бинарного кода?

Плотник побелел и чуть не покачнулся – поддержал Кончар, незаметно привалившийся к правому боку. Лифт остановился, створки разошлись, открывая взорам внутренний пост охраны, за которым восседали двое вооруженных dd, причисленных к «Кромлеху».

Однако Пророк и Ева не спешили покидать кабину.

– Есть, – стараясь говорить как можно убедительнее, наконец ответил Плотник. – Я верил в это. И нашел подтверждение. За строчками бинарного кода кроется нечто большее. Нечто, к чему нейкисты, возможно, еще не готовы. Но если ты, Сорок Два, увидишь и поймешь...

Теперь Сорок Два улыбнулся.

Тонко, чуть заметно.

Кивнул, этим коротким жестом продемонстрировав всю глубину отношений к словам декомпилятора. И вдруг совершенно отеческим жестом положил руку на плечо долговязого, опалив прикосновением горячей ладони.

– Брат. – Пророк умудрялся говорить устало, с ленцой, но одновременно впечатывая слова в сознание собеседника, словно раскаленное клеймо в коровью шкуру. – Я люблю каждого, кто приближает Эпоху Цифры. Всех. Любого из вас...

Он чуть заметно сжал ладонь, слегка повысил голос. Ева, потерявшая к диалогу интерес, снова инспектировала маникюр.

– Если кому-то из братьев хочется тратить свои силы на игры в поиск цифровой духовности, я дам вам денег, ведь мы на одном пути. – Теперь Плотник слышал в речах Пророка вкрадчивое предупреждение. – Но я хочу предостеречь от заблуждений, брат. Там, куда мы идем, нет места примитивным суевериям.

Сорок Два вдруг вышел из кабины, продолжая беседу на ходу. Кончар и Плотник спешно двинулись следом, Ева замыкала шествие.

– Искренне надеюсь, – снова улыбнулся Пророк, – что ваши изыскания не стали бесполезной тратой времени и ресурсов только для того, чтобы в очередной раз подтвердить могущество человека и его власть над Цифрой. Его власть над новым миром, который совсем скоро станет реальностью для всех жителей планеты...

– Конечно, Сорок Два, – покорно кивнул глава «Кромлеха», ссутулившись и указывая путь через этаж бизнес-центра, переделанный в мастерские. – Позволь, я продемонстрирую...

– Для того я и приехал.

– Спасибо тебе за это...

Машинисты, наполнявшие лабораторию, боязливо расступались, перешептываясь и отказываясь верить увиденному. Многие торопились ускользнуть на рабочие места. Но были и те, кто соляными столбами застыл посреди коридоров, не спуская глаз с невысокого человечка, подарившего Цифре надежду.

– А вы неплохо устроились, – прокомментировал тот, вышагивая перед старшим декомпилятором и с интересом осматриваясь. – Знаешь, Плотник, для того, чтобы открыть Троицу, мне понадобился единственный «раллер». А еще загаженная комната, где вся мебель состояла из дивана, кресла и стола. Сколько «раллеров» ты собрал для своего «голубого кольца»?

– Сорок восемь... – подавленный тонкой насмешкой, выдавил Плотник.

Словно услышав ожидаемое, Пророк покивал. Кончар, шагавший за правым плечом товарища, тихонечко вздохнул. Кажется, руководитель силового крыла «Кромлеха» начинал предчувствовать неладное...

Коридор уперся в дверь. Обычную пластиковую дверь, запертую на дактилоскопический замок. Дверь, за которой Плотник хранил нечто, обязанное вызвать восторг важного гостя. Обогнав его, декомпилятор торопливо упер ладонь в планшет настенного сканера, отпирая засовы, и распахнул створку, отступая в сторону.

Все четверо вошли.

Пума тут же деловито осмотрелась, скользнув ленивым взглядом по софе, угловому письменному столу и накрытому тряпкой мольберту, развернутому к панорамному окну. Не заметив ничего интересного или подозрительного, девушка опустилась на софу, элегантно забросила ногу на ногу и приготовилась скучать дальше. Казалось, скрывать своего отношения к этой бездарной трате времени Ева не намерена даже из вежливости.

«Какая глупость, – говорил красноречивый взгляд девушки. – Вы тут рассматриваете картинки, отвлекая величайшего человека современности от чтения Слова, от сбора денег на движение, от контроля за производством «поплавков». Ну кому, скажите на милость, могут быть интересны изыскания оголтелых еретиков, отчего-то решивших, что за гранью Цифры есть *нечто?*...»

Оба декомпилятора остались у двери, прикрыв ее за собой и отрезав любопытные взгляды остальных членов группы, столпившихся в коридоре. Пророк подошел к мольберту, глядя при этом в огромное окно – на шумную улицу, где пульсировал ритм Анклава.

– Значит, ты утверждаешь, что *это* нарисовала *она*? – негромко поинтересовался Сорок Два.

Поинтересовался совсем другим тоном, нежели при беседе в лифте. Цепко, настороженно, словно ожидающий ловушки зверь. Или старая, умудренная множеством порванных силков птица.

– Да, – просто ответил ему Плотник, вдруг осознав, что дальше волноваться смысла нет. – И я хочу, чтобы ты взглянул на нее, Сорок Два. На нее, а затем на «голубое кольцо», сердце «Сингулярики». Уверяю, мы на пороге величайшего открытия...

Пророк повернул голову.

Усталый, сильный, несерьезный, всемогущий. Что именно читалось сейчас в его глазах? Плотник не знал. Недоверие? Раздражение? Злость? Как бы то ни было, Сорок Два приблизился к мольберту.

Тряпка была сорвана рывком, резким настолько, что вся деревянная тренога и картина на ней едва не упали, опасно закачавшись. Встав спиной к окну, Пророк всмотрелся в холст.

Прошла секунда. Еще одна. Плотник почувствовал, как по виску ползет капля пота.

А затем Сорок Два осознал, что изображено на картине. Понял, кто именно нанесен на нити натуральной ткани. Глаза его распахнулись, тонкие брови взлетели вверх перепуганными галками. На щеках выступили красные пятна, в то время как кожа на висках стремительно побелела. Рот приоткрылся, издав шелестящий звук.

– Кто? Это? Нарисовал? – разделяя слова, властно и надрывно спросил человек, ведущий за собой всех нейкистов планеты.

Плотник набрал в грудь побольше воздуха, качнул головой.

– Цифра, брат.

– Цифра?! – рывкнул Сорок Два, заставив глаза Пумы превратиться в две хищные щелочки. – Это нарисовала Цифра?! Ты выбрал предельно неудачное время, Плотник, чтобы проверить свою нелепую шутку!

Ева оказалась на ногах.

Движением, которого не отследил даже понюхавший пороку Кончар. Одна рука девушки исчезла за отворотом короткой куртки, вторая сжалась в кулак. Соратница и любовница Пророка сделала к окну короткий шаг, звонко цокнув каблучком, будто хотела лично узнать, что разъярило ее обожаемого лидера. Было очевидно, что по первому слову вожака Пума без жалости перестреляет все три этажа франкфуртской лаборатории, исполнив любой, даже самый лютый, приказ.

Но вместо этого...

– Стоять! – вдруг выпалил Сорок Два, повернувшись к девушке и заставив опешить всех троих. – Сиди на месте, Ева, я справлюсь...

Краска обиды прилила к лицу Пумы, но тут же отступила, повинувшись железному самообладанию воительницы. Она прикусила пухлую губу, убрала руку с оружия под курткой. Медленно и аккуратно, словно была сделана из хрусталя, опустилась обратно на софу, не отводя от Пророка внимательного и обеспокоенного взгляда.

Плотник, совершенно сбитый с толку, открыл рот.

Гневный, чуть шипящий голос Сорок Два опередил его, не позволив заговорить:

– Вы тратите кровно заработанные деньги братства, чтобы разыграть и разозлить *меня*?!

Пятна на лице несущего Слово Цифры прошли, но теперь в каждом жесте сквозило раздражение. Он подхватил с пола покрывало, с хлопком набрасывая серый занавес на мольберт.

– Нет-нет, Сорок Два! – Плотник замотал головой, боковым зрением заметив, как неуверенно топчется на месте Кончар. – Не было и в мыслях, будь оно неладно! Но когда *она* нарисовала это, я посчитал, что ты просто обязан...

– Сжечь!

Плотник осекся, вдруг подумав, что биологический реактор в груди сейчас остановится от невыносимой боли. В комнате с картиной наступила такая тишина, что произнесенный Пророком приказ явственно отпечатался в кондиционированном воздухе, будто вспыхнувший неон.

Кончар отшатнулся, Пума нахмурилась. Старший декомпилятор виновато улыбнулся.

– Я, должно быть, не расслышал тебя, брат...

– Сжечь, – уже спокойнее, но от этого еще весомее повторил Сорок Два. – Я сворачиваю деятельность группы «Кромлех». Картину уничтожить. Оборудование демонтировать, модули по производству «раллеров» и «поплавок» перебросить в другие лабы Анклава. Через неделю, Плотник, ты лично отчитаешься о ликвидации проекта Яну Крюгеру, предоставив ему доказательства уничтожения картины.

– Но брат...

На руководителя «Кромлеха» было жалко смотреть. И без того длинный и нескладный, он похудел еще сильнее, в одно мгновение превратившись в ходячий скелет.

– Ты не понимаешь... это Эпоха... это же будущее... Ты видел его на картине! Ты видел!

Не обращая внимания на лепет декомпилятора, Сорок Два сделал шаг вперед, оставляя мольберт за спиной.

– Молчать, – ровным и холодным голосом распорядился он, прерывая мольбы Плотника. – Пока я проливаю кровь соратников, чтобы приблизить Эпоху Цифры, Плотник, вы спускаете мои деньги в унитаз! Ищете химеру, об опасности которой предупреждала Поэтесса! Расшатываете фундамент, ради укрепления которого я положил всю свою жизнь.

Казалось, Пророк увеличился в размерах, окреп, стал нестерпимо грозен. В эту минуту перед декомпиляторами предстал человек, которого боялась добрая половина мира. Маленький огромный человек, которому лучше не перебегать дорогу.

И он был зол.

– Через семь дней работа группы должна быть полностью остановлена, – отчеканил Сорок Два, глядя Плотнику в лицо, – а все результаты ее деятельности уничтожены.

И вдруг фыркнул, вздрогнув всем телом:

– Фанатики! Глупцы! Вы не слышали ничего, о чем я проповедовал!

И устало, словно окончательно разочаровался в мудрости человеческой:

– Как вы могли быть столь глупы...

Ева Пума снова поднялась с софы.

На этот раз она не порывалась хвататься за оружие или закрывать любовника телом, а просто встала на ноги, посчитав разговор оконченным. Но Пророк – что не укрылось от всех троих – вздрогнул вновь, шатнувшись ей навстречу, словно хотел преградить путь, если девушка направится к мольберту.

– Выполняй приказ, Плотник, – нервно махнув Пуме на дверь, бросил Сорок Два через плечо. – Я вкусил истинной любви и хорошо знаю ее цену. Я люблю тебя, так же как любого другого брата-нейкиста. И чтобы не растратить эту любовь, Плотник, ты должен послушаться. Ты уяснил?

Все еще покачиваясь, бледный декомпилятор взглянул на укрытую тряпкой картину и устало склонил перед Пророком свою длинноволосую голову.

Бинарный код 1

*«Неужели он думает, что моя смерть отсрочит Эпоху Цифры?
Нет. Тысячу раз нет. Наш новый мир давно реальность, и тот, кто
ощутил его, никогда не станет прежним. Им придется убить всех нас. А
потом убить всех других, кто познает Мир Цифры. Но им не повернуть
время вспять. Не повернуть!»*

Сорок Два

Физические недостатки учат сильную личность компенсировать недуг рвением души. А еще заставляют приспосабливаться, находить нового себя в материальном, болезненно-твердом мире.

Прошло уже почти четыре года с тех пор, как он окончательно разучился спать на левом боку или животе, вне зависимости от усталости или степени опьянения. Сначала было трудно, и первые месяцы пробуждение среди ночи напрямую ассоциировалось с жуткой болью. Подчас дичайшей, с отрыванием от лица присохшей окровавленной простыни. Затем он научился.

Вот и сейчас, еще не открыв глаз, но уже проснувшись, обнаружил себя лежащим на спине. Вот только вместо привычной ортопедической перины – упругая и шершавая диванная набивка. Вместо удобных подушек, принимающих нужную форму, – грубые тугие валики, на которые удобно укладывать локти.

В голове шумело, как если бы источник этого непрерывного звука... например, морской прибой, находился всего в паре сотен метров. Губы ссохлись, причем ранка над верхней кровоточила не так давно, что добавляло соленого привкуса и без того гадкой горечи во рту.

Мужчина, лежащий на спине, наконец открыл глаза, густым цветом напоминавшие спелую *vaccinium uliginosum*. Стараясь не совершать резких движений, сел, окончательно установив свое месторасположение – на большем из трех диванов напротив безнадежно потухшего камина.

На низком журнальном столике по правую руку была замечена пустая бутылка дорогого вина из подвалов особняка. Лежащий на боку бокал. Красные липкие пятна на полированной столешнице. А также несколько тарелок с засохшими закусками, по большей части подъеденными.

– Как мило... – просипел мужчина сам себе.

Несколько раз моргнул и осторожно, стараясь не задевать ожог на щеке, ногтем разлепил реснички на левом глазу. Облизнул губы, все еще не находя в себе сил, чтобы подняться с дивана.

Выходит, сон настиг его прямо в каминном зале. После кончины бутылки вина. Причем не одной, первую он открыл еще в рабочем кабинете, занимаясь проблемой в проливе Дрейка и получив долгожданное письмо с китайской границы.

Значит, бутылок было две. И легкие закуски, в основном состоящие из сыра и шоколада. Немудрено, что спать пришлось на диване, таких спонтанных пирушек хозяин горного особняка себе уже давно не позволял...

Лицо начинало покалывать – верный признак приближающейся боли, давней знакомой и неизменной спутницы. Вероятно, ему действительно стоит посетить наставника, пополнив запас целительных мазей. Пусть даже рискуя сократить интервалы между ежегодными циклическими операциями по извлечению остатков термопены...

В конце концов, никто не заставляет его сразу использовать мази старого бокора. Пусть хранятся себе в медицинском холодильнике, грея душу своим существованием. Зная о припасе, можно еще какое-то время потерпеть.

Помассировав виски, голубоглазый мужчина вытянул шею и, прочистив горло, выкрикнул в широкий коридор особняка.

– Dictum! Бутылку воды и лекарство от головной боли.

В переходах убежища зашевелились, забегали.

Сервы, слух которых активировался исключительно кодовым словом, услышав господина, бросились выполнять приказ. Послушные, покорные, исполнительные. Каждый из них, в свое время согласившийся на сложную операцию по искажению зрения и слуха, делал это исключительно ради своей семьи, получавшей взамен щедрый пансион. Даже после Катаклизма...

В каминный зал вошел Чихун, самый любимый и ответственный из «семи гномов», обслуживающих «Альвур-хайд». Почтительно поклонился хозяину, чьего лица никогда не видел. Вышколенным движением опустил на стол бутылку слез с гренландских ледников и блюдо с тонкой растворимой пластинкой. Мужчина на диване тут же сунул лекарство под язык, торопливо запив несколькими глотками чистейшей воды.

– Прикажете убрать? – осведомился Чихун, глядя прямо на господина.

Специальная настройка его зрительных имплантатов не позволяла видеть обезображенного ожогами хозяйского лица, размывая его в мутное пятно. Но, так же как все остальные шестеро сервов, лакей давно научился смотреть точно в это пятно, всем видом изображая почтение и заботу.

– Убирай, – торопливо распорядился владелец особняка. Если промедлить, через три секунды слух слуги заблокируется, и ему снова придется применять волшебное слово. – Пусть подготовят ванну. И плотный завтрак.

– Будет исполнено, господин.

– Собачек покормили?

Внутренний периметр форта охранялся отнюдь не людьми – полудюжиной клыкастых порождений Мутабор. С точки зрения безопасности и конспирации, в сознании молодого верхолаза граничащих с паранойей, четвероногие убийцы являлись безупречным выбором сил обороны...

– С рассветом, господин.

В каминный зал вошел Скрамник, самый молодой из obsługi дворца. Изучив распоряжения старшего серва – «гномы» общались с помощью специальной текстовой программы, – удалился готовить водные процедуры. Чихун же принялся собирать тарелки, стараясь не бряцать фарфором.

Мужчина на диване все еще не спешил вставать.

Морщил лоб, пытаясь собрать в кучу разбредавшиеся мысли. Причина его вчерашнего загула была очевидна – верный австралиец приступил к работе, окончательно закрепившись в чреве железного китайского гиганта. Достойный повод для бокала вина. Но сейчас, следя за ускользающей головной болью, Витторио Гамба был недоволен проявленной слабостью.

Подумать только... Существо, возжелавшее стать божеством одной из открытых «Наукомом» планет, страдало от обычного человеческого похмелья! Может, прав его дядюшка, обвинявший родича в излишней несерьезности и закоренелом инфантилизме?

Поморщившись, Витторио все же поднялся на ноги. Покрутил корпусом, разминая затекшее тело.

Когда он шагнет под солнце чужого мира, а в его руке нестерпимым светом вспыхнет один из молчащих доселе артефактов земных Традиций, подобным пиршествам придется положить конец. Там от него потребуются вся сосредоточенность и работа ума, на какую молодой Гамба вообще способен. Может быть, потом, лет через двадцать, когда его собственная страна будет построена и укреплена, он позволит себе отпраздновать...

Несмотря на то, что за эгоистичным сибаритством наблюдали лишь верные слуги, неспособные поделить пикантной информацией с окружающим миром, Цикл испытывал досаду и злость. Включив «балалайку», сделал пометку – связаться с европейскими пластиками и вживить нанов, позволяющих оперативно уничтожать проглоченные алкалоиды и спирты.

Через чип вышел на виртуальное управление домом – особняк имел собственную сеть. Покопался в музыкальной коллекции, выбрал сюиту «Пер Гюнт». Уже через секунду она зазвучала из всех динамиков огромных разноуровневых апартаментов.

Наслаждаясь мелодией, Витторио задумчиво навис над холодным камином. Почти минуту качал головой в такт музыке, давая сюите разгореться, а затем все же отправился в сторону ванных комнат, на ходу стягивая рубашку. Встреченные по дороге Умник и Простак вежливо поклонились хозяину, пожелав доброго утра. В малом обеденном зале Соня накрывал к завтраку.

Молодой верхолаз любил свое жилище.

Свою крепость «Альвур-хайд», вгрызшуюся в древние вулканические породы. Свой глухой горный бункер, комфорту которого могли позавидовать убежища самых богатых диктаторов мира. Уединенное убежище, спрятанное вдали от цивилизации и любопытных глаз настолько, насколько в современном мире вообще что-то можно спрятать.

Конечно, в День Станции уединение сыграло его дворцу дурную службу. Но молодой Гамба хорошо знал поговорку, что «за все нужно платить», а потому даже не подумал сменить место проживания. Когда четыре года назад разом проснулись дремлющие гиганты Гримсвотн, Эльдфетль, Катла, Аскья и Эйяфьядлайёкюдль, а в кальдерах северных районов вскрылись трещины, остров содрогнулся, будто умирающий кит.

И тогда Гамба, в момент Катаклизма по стечению обстоятельств находившийся на любимом острове, на несколько долгих месяцев угодил в Ад. Не книжный, не кинематографический, не вымышленный ряжеными попами – Витторио угодил в самый настоящий Ад, царство кипящей лавы и черных небес, густо покрашенных пеплом.

Несколько дней подряд огненные реки рвались к побережью, сметая на своем пути деревни и ледники, подминая корабли в заливах и выбрасывая в небо миллиарды темных хлопьев. Солнце скрылось от глаз людских почти на месяц, а бурлящие над островом тучи так плотно придавили небеса к земле, что было страшно смотреть.

За стенами горного убежища боль терзала планету. Внутри убежища боль терзала Витторио, раненного в Анклаве Рио за считанные недели до Катаклизма и едва успевшего пройти первый курс врачевания. Двое первоклассных пластиков, отрезанных от окружающего мира вместе со своим пациентом, продолжали курс лечения, сколько могли. Оказалось, что могли они немного...

Поставки нужных лекарств оборвались вместе с коммуникациями. Потенциала имевшейся в распоряжении медлаборатории хватило, лишь чтобы притормозить действие въедающейся в плоть термопены, но не на проведение полноценной чистки организма.

В те дни, полные мучений и пожирающего лицо пламени, молодой Гамба впервые почувствовал, как сильно умирающий мир зависел от своих привычек. Нет лекарств, нет сетевых консультантов, нет страховки и санаторных условий. Нет современных комплексов лазерной хирургии, которыми через тысячи миль дистанционно управляют самые блестящие умы научного комплекса имени Фадха аль-Джохара.

Ассистентка первого пластика не протянула и недели, убив себя передозировкой обезболивающего. Ассистент второго высосал почти литр пятидесятилетнего виски, вскрыл шлюз и убрел в глубину полыхающего огненными потоками острова.

Первый хирург покончил с собой через месяц. Нес чепуху про конец дней, Страшный суд и необходимость платить за свои грехи. А затем вколол себе такой коктейль из препаратов, что отошел к Аллаху с блаженной улыбкой и текущими слюнями. Второго Гамба взял под

стражу, не позволяя забивать голову суицидальной бредятиной и силой вынуждая продолжать исполнение врачебного долга. Когда еще через месяц тот тоже спятил, бросившись на пациента со скальпелем, Витторио пришлось стрелять...

С августа по ноябрь вулканический песок, мельчайшая горькая пыль, лапилли и куда более крупные «бомбы» утюжили остров, заматавая улицы населенных пунктов, круша электростанции, уничтожая рыбацкий флот и лишая человека возможности подняться в воздух.

Над хребтами стоял грохот, а стоны горных пород пробивались даже через бронированные ставни на окнах, убеждая, что мифические великаны действительно населяют северную землю, наконец-то проснувшись и двинувшись войной. Именно тогда, в короткую Эпоху Черных Небес, из горного бастиона, ставшего тюрьмой искалеченному верхолазу, исчезли все зеркала...

Сама фортеция, спроектированная лучшими архитекторами Союза, почти не пострадала. Еще десять лет назад, внимательно изучив переменную активность местных вулканов, молодой Витторио уделил расположению своего убежища максимум внимания, подстраховавшись даже от извержений, не повторявшихся с эпох четвертичного периода. Немало помог и дон Раймундо, с пониманием отнесшийся к желанию родственника построить бункер.

В итоге Гамба обзавелся собственной крепостью.

Запасов провианта хватало с избытком и на себя, и на врачей с обслуживающей, и на семерых слуг, смилившихся с ролью неизменных предметов интерьера. Не возникало нехватки ни в питьевой воде, ни в электричестве, вырабатываемом подвальным генератором. Вилла-бункер, возведенная Гамбой на склонах исландских гор, строилась с расчетом на последствия ядерной войны. А потому природное бедствие, пусть и такого невероятного масштаба, пережила относительно легко.

Затем великаны устали трубить, рыгать и выплевывать фонтаны подземного мусора. Тефра начала цементироваться, придавая острову новые очертания и совсем иначе, нежели до Катаклизма, вычерчивая береговую линию. Покрывала пепла осели, наконец-то прочистив небеса и позволив выпасть первому за долгое время настоящему дождю. Выжившие, а их оказалось не так много, с опаской полезли из нор, бомбоубежищ и пещер.

Наступило время скорби, тоски и медленного восстановления городов.

На какой-то затяжной период Витторио вообще показалось, что он остался один на всем огромном острове. Полноправный правитель каменистых пустынь, повелитель пейзажей, назвать которые земными не повернется язык. Он ощущал себя князем чужой, еще не заселенной людьми планеты, нутужно дышащей вулканами и постанывающей оплавленными ледниками.

Многие часы, рискуя сорваться в свежую расщелину или скатиться в новорожденный горячий ручей, бродил он по горам и пустошам, не узнавая искореженную землетрясениями местность и размышляя о случившемся. В самой первой медицинской маске, сконструированной лично, подставляя уцелевшие части лица унылому исландскому ветру, одинокий и свободный.

Анализировал и сочинительствовал, пытаясь дать произошедшему хоть какое-то здравое объяснение. Перебрал все возможные варианты от вторжения инопланетян до Нибиру, наконец-то рухнувшей с небес. И когда с большой землей была налажена хоть какая-то связь, а еще через пару месяцев к побережью пристали катера спасательных служб Северного султана, верхолаз убедился в точности своей главной версии – жажнуло на русском севере, где пытались открыть источник Новой Энергии. Русские доигрались с огнем, который не смогли подчинить...

Затем Витторио собрал следующую версию маски и спустился в город, которому в своем роде покровительствовал, год за годом оставаясь инкогнито. В городок, где его знали как щед-

рого, но чуть безумного мецената, избравшего жизнь затворника, полную ловушек, неприступных стен и, конечно же, тайн...

Восстанавливать порушенное Катаклизмом, как стали величать случившееся ветреным августовским днем, пришлось трудно и неспешно. Уютный когда-то Сейдауркроукюр пострадал весьма крепко, а шейхи Рейкьявика не спешили делиться помощью. Пострадали фабрики по переработке водорослей и рыбы, уникальные гидротермальные электростанции пошли вразнос, досталось жилью и очистительным сооружениям. А еще – пристаням, более трети которых необычный верхолаз-отшельник выкупил для возведения собственных складов и корабельных ангаров.

Но главная сложность состояла в потере человеческого ресурса. Север острова, заселить который по-настоящему густо не помог даже смягчившийся за последние полвека климат, оставался непривлекательной местностью. Удар стихии проредил и без того худые ряды ее жителей.

Во время землетрясений, извержений и наводнений погибла почти половина горожан, в числе которых оказались и обслуга причалов Витторио, и его личная охрана. Основательно хлопнуло даже по небольшому частному аэродрому, построенному Гамбой к югу от населенного пункта.

И только когда над Исландией окончательно развеялся пепел, через томительные полгода, проведенные в одиночестве и тяжких раздумьях, финансовый покровитель Сейдауркроукюра смог вырваться с острова. Навсегда, как подумали многие. Ну кому захочется возвращаться в суровый край, лишенный надежды на возрождение?..

Поэтому местные немало удивились, когда наступившей зимой, взрезая свинцовые волны залива, в Скага-фьорд вошло судно под флагами корпорации, в которой ушлый экономист мог бы вычислить одну из многочисленных «дочек» финансового гиганта «Gruppo Aggiornamento».

Судно доставило в город инженеров, буровое оборудование для возведения новых теплофикационных станций, легион строителей, свору сторожевых терьеров Мутабор, врачей, «волонтеров», материалы, вооруженную охрану и целый десяток стометровых ветряков, призванных временно заткнуть брешь в энергетике региона...

Гамба стал похож на искру, на молнию, на вспышку. Преобразившись с момента Катаклизма, он успевал все и везде, оставаясь неузнанным и щедрым. Ежедневно сражаясь с собственной болью, он параллельно бился над ранами, нанесенными Копьем.

Восстановил и еще сильнее укрепил жилище в горах. Заново отстроил модули аэродрома, привез на остров личную флотилию небольших небесных судов. Наладил пристани, на этот раз отхватив в собственность половину побережья в городской черте и превратив ее в охраняемую закрытую зону. Помогал островитянам с провизией, обеспечивал работой на стройках.

Местные, отличавшиеся по-скандинавски сдержанным любопытством и лишенные склонности совать нос в чужие дела, принялись почитать его добрым человеком. Поднимать пенные кружки за здоровье таинственного богача, все сильнее оплетать легендами в неспешных беседах за ужином.

Все чаще гадали о его судьбе, приписывая несчастливое детство изгнанника и жестоких родителей. Сравнивали с ярами древности и пророчили великую судьбу и славу. Когда город встал на ноги, сплетни о покровителе постепенно сошли на нет, а разрушительные последствия вокруг убежища были устранены, Гамба снова исчез. Надолго.

С ним, и в данном случае совершенно точно без следа и навеки, исчезли несколько десятков архитекторов, инженеров, машинистов и других квалифицированных специалистов, посвященных в устройство горного форта. Кораблекрушения перестали быть редкостью, что уж поделать...

Подступы к укрепленной вилле, которую жители прибрежного города прозвали «Аль-вур-хайд», взяли под охрану крепкие чужаки. Вышколенные крепыши, вооруженные армейскими винтовками, на чьих пуховиках зоркий глаз мог различить вышитый силуэт то ли выдры, то ли горностая. Отделения местной полиции поэтапно сменились на отряды частного охранного агентства, быстро положившего конец анархии, переделу рыболовного рынка и мародерству. Столичные инспекции, и до Катаклизма не баловавшие северян своим вниманием, прекратились вовсе.

Говорили, что, восстановив Сейдауркроукюр, его покровитель заперся в замке, подобно сказочному лорду-вампиру. Или эльфу, если верить названию крепости. О том, как Витторио покидал свое жилище, по слухам появляясь то на пристанях, то на взлетной полосе, местные могли только гадать...

А он покидал. Причем однажды появившись в родных стенах только через полтора года отсутствия. Вместе с «гномами» посетовал на смерть одного из уникальных сервов замка, устроил сетевой конкурс и заказал себе нового Скромника. Сменил начальника сил местной самообороны, как теперь почитали пришлых. Устроил яркий городской праздник, напоив каждого, кто мог держать кружку. И продолжал исчезать с завидной регулярностью, пользуясь то скоростными ледокольными яхтами, то личными конвертопланами, доставлявшими его к бортам игловидных «стратов» на полосах Кефлавик-Порта.

Именно тогда, три бесконечных года назад, окончательно пересмотрев жизненные приоритеты, Витторио Гамба собрал свою «чертову дюжину». Точнее, ее костяк был сформирован еще до Дня Станции. Но в День Гнева Богов кто-то из соратников погиб, кто-то бесследно растворился в пучине хаоса, а потому набор людей, способных без сомнений разделить его устремление вверх, пришлось начинать почти заново...

Дней, проведенных в заточении под грудой пепла, без солнца и свежего ветра, с лихвой хватило, чтобы будущий наследник корпорации «GA» до мелочей продумал свое место в новом мире. Чтобы по ничтожным крупичкам и обрывкам поступавшей на север информации выстроил полноценную картину произошедшего на Кольском полуострове. Чтобы оценил глобальные последствия удара, а также проанализировал пути дальнейшего развития человеческой цивилизации.

И поставил перед собой цель.

Далекую, почти недостижимую, но оттого еще более желанную.

Фанатики, бесконечно преданные ему и готовые скрываться от всего мира под масками «чумных докторов», покорно приближали задуманное. Кто-то из них, как погибшая прошлой весной Сентябрь, знал о замысле своего лидера совсем немного, так и не успев окончательно влиться в семью. Кто-то, как Февраль или Июнь, был посвящен в самые мельчайшие детали плана, собственным усердием преумножая достижения самого Витторио.

О, как удивились европейские банкиры, почитавшие Витторио Гамбу погибшим. Как удивились инвесторы, каперы, менеджеры подконтрольных предприятий, уже начавшие дележ шкуры покойного. Удивления не высказал только дядя, встретивший мужчину в очередном прототипе медицинской маски так, будто не виделись всего неделю, а не почти два года, наполненных разрухой и всемирным бардаком.

– Если бы семья рода Гамба было так легко истребить, – раскатисто заявил он, приняв изувеченного родича в своем длинном кабинете с портретами на стенах, – мы с твоим отцом уже много лет кормили бы японских червей...

О том, что отец Витторио вот уже двадцать лет как занимался именно «кормежкой», сгорев в элитной «суперсобаке», дядюшка предпочел не вспоминать. Раймундо вообще редко упоминал брата, иногда начисто вычеркивая его из воспоминаний.

Первой причиной такой избирательной памяти стал внутренний конфликт двуглавого дракона, управлявшего фирмой. Второй причиной стал сам Витторио, отец которого был рав-

нодушен к отпрыску настолько же, насколько дядя заботлив. Иногда казалось, что тот вообще почитает юношу не племянником, а сыном, и на фоне безразличного папочки такое отношение не могло не греть...

Когда удивление банкиров миновало, Витторио выяснил, что его счета все еще полны. Дядя активно спасал корпорацию, не позволяя тени отчаянья прикоснуться к ее каперам и акционерам, и Гамба бросился помогать. Конечно, деньги в вывернутом наизнанку мире далеко не сразу обрели былую ценность – да что говорить, они не обрели ее до конца даже сегодня! – но хозяин «Эльфийского Холма» видел, что постепенно все возвращается на круги своя. Во всяком случае, в мирке, населенном шейхами, князьями, султанами и верхолазами...

Помогая дяде укреплять пошатнувшуюся махину «Gruppo Aggiornamento», он также начал поэтапно инвестировать в личное, медленно отодвигаясь в тень. Инвестировать в свое собственное будущее. В будущее без Ассоциации и корпоративных войн. В звезды и недоступную обычному человеку власть.

Совсем скоро в личной армии Цикла появились капитаны флота, армейские отставные генералы, физики, микробиологи, машинисты и граверы. Он покупал людей, договаривался с ними, продавал их и брал в аренду. Он платил шейхам, имамам и президентам, вертеться угрем и не скупясь на подарки.

Через какое-то время Витторио выполнял распоряжения дяди с откровенно спущенными рукавами, не раз заслужив недовольство старого медведя. Поставил мысленный крест на прежней деятельности «GA», окончательно разуверившись в смысле существования Ассоциации.

Уже спустя год столь активной деятельности в личной базе данных молодого Гамбы хранилось более двадцати проектов различной степени безумия и масштабности, только четыре из которых могли увидеть свет, если оставаться реалистом.

В Норвежском море, выкупленные за бесценок, начали обрастать железной плотью платформы проекта «Малатеста», на которых предстояло зародиться его личной кондотте. Бывшие нефтяные вышки день за днем превращались в секретные искусственные острова, прикрытые «зонтами» от средств спутникового слежения, назло Копью уцелевших в немалых количествах. Среди волн и холода строительные роботы и люди возводили площадки, на которых формировалась самая крупная из частных военных баз нового мира.

Были захвачены, куплены или украдены сотни судов по всему миру, от крохотных баркасов до нефтеналивных танкеров и брошенных армейских фрегатов. В их числе оказался уникальный атомный катамаран «Куэн Као», сгоревший в ядерном огне по нелепой случайности и чуть не унесший с собой фантастические наработки «братьев-месяцев».

Однако, несмотря на заминку, проект «Плод», способный озолотить своего создателя, был почти доведен до логического завершения. Проект, способный не только сказочно обогатить Цикла, но и вручить ему ключи от «Полигона № 13», больше известного в мире, как Станция...

Аккуратно возвращая сознание Гамбы из страны воспоминаний в бронированную скорлупу горного убежища, «балалайка» просигнализировала о свежей почте, поступившей на один из рабочих коммуникаторов.

Сначала Витторио не придал посланию особенного значения. Действительно *важными* были лишь вызовы на секретные, тщательно зашифрованные и почти никому не известные номера. Затем увидел адресата и устало – как был, по пояс голым, – побрел к рабочему кабинету.

Ввел комбинацию паролей, прошептал в микрофон несколько ключевых фраз. Вошел, наслаждаясь специфическим запахом техники, наполнявшей комнату. Прикрыл за собой дверь.

На рабочем столе, изогнувшись вдоль стены под тремя огромными дисплеями, в специальных мягких нишах возлежали сразу девять коммов. Не помеченные, не маркированные.

И только на одном, самом новом и почти не используемом, виднелся крохотный белый логотип корпорации «Науком». Подарок акционеру и неофициальному партнеру, чтоб надменных москвичей задрали псы...

Выбрав четвертый слева, Витторио отключил коммуникатор от единой рабочей системы кабинета. Головная боль прошла, но он все еще морщился. То ли от досады за попойку, то ли оттого, что назойливый вызов оттягивал момент погружения в пенную ванну. Поднял устройство к лицу, пролистывая поступившее сообщение.

Борт 112-UZ совершил благополучную посадку в аэропорту имени имама Муддассира, накладок нет. Конференция, на которую прибыли сотрудники, начнется завтра и продлится еще четыре дня. В настоящее время делегаты заселяются в съемные апартаменты.

Очень хорошо.

Не настолько, чтобы открывать очередную бутылку монтепульчано, но хорошо.

Конечно, более логичным казалось поручить расследование Болотному Монстру, но австралиец был занят пополнением коллекции, а упускать найденный след Цикл не хотел. Ничего, блондин и его люди справятся, сомнений нет. Может, они и не самые неприметные кропобезы на свете, но свое дело знают и подставить себя не позволят.

Другой вопрос, найдут ли «грызуны» что-то ценное?

Возможно, поэтому Витторио и не послал Буньипа? Не захотел отвлекать ценного специалиста, отправлять хамелеона на поиски призрачной химеры. Однако проверить зацепку стоило, и потому его верные люди послушно прибыли в Омарский эмират...

С чего Гамба вообще взял, что дело того стоит? Услышал несколько сетевых легенд? Поддался очарованию мифов виртуальности? Купился на обрывки чьего-то дневника, большинством правоверных нейкистов почитаемого за лютую ересь? Возможно, все сразу...

Однако легенда существовала. Не столь известная, как пресловутые апокрифы о деяниях Великих Ломщиков, цитируемые братством машинистов и преумножаемые людской молвой. Но от этого еще более интригующая и любопытная, достойная проверки. Если блондин ничего не найдет, Цикл перебросит его группу в Эдинбург. Если же в заброшенных сетях блеснет хотя бы крохотная рыбешка...

Витторио Гамба не хотел даже вскользь загадывать, что станет делать, если слухи окажутся правдивы. Пусть даже правдивы лишь частично. Вернув коммуникатор в пустую нишу на столе, он неспешно покинул мозговой центр «Альвур-хайда», направившись принимать ванну.

Бинарный код 10

Место человека в подлунном мире определено с момента сотворения этого мира.

Ему, уникальнейшему существу во Вселенной, даны широчайшие возможности по расширению горизонтов своего сознания. Дана безграничная свобода в заданных свыше рамках, умение подчинять обстоятельства и возвышаться над условностями.

Но иллюзия всемогущества остается иллюзией, даже если позволяет управлять собственной жизнью и судьбами миллионов последователей. Она затмевает рассудок и уводит на ложный путь, итог которого – хаос, крушение цивилизаций и смерть отдельного представителя homo sapiens.

Умение с точностью гадать на внутренностях животных и трактовать божественные знаки не превращает гадающего в полноценного жителя Олимпа. Управление тайной исповеди и врачевание заблудшей человеческой души не превратит хунгана в святого апостола, равного упомянутым в Писании. Талант управления массивами электронной информации и дар создавать мощнейшие гаджеты не превращает машиниста в цифровой массив или операционную систему.

Потому я продолжаю утверждать, что слияние человека и Цифры, о котором говорила Поэтесса, возможно лишь на уровне экстаза – религиозного, если угодно, духовного, открывающего новые двери сознания и позволяющего прозреть об устройстве этого мира. А это значит, что пришло время говорить о вещах, исконно считающихся чуждыми правопорядку нейкисту – о вере, религии и чуде.

«Шепот цифровых идолов», глава I

Северный ветер легкомысленно играл занавесками, ежеминутно вбивая в полутемную комнату новые порции летнего зноя. Сегодня в его дыхании слышались отголоски бриза, долетавшего даже до южных районов агломерации, однако те отнюдь не помышляли справиться с пыльной жарой.

Словно вступив со зноем в сговор, старенький потолочный вентилятор, заряжаемый ручной динамо-машиной, сбавил обороты. Его лопасти сделали полный круг, затем еще один, но медленнее. Вовсе замерли, напоминая поникшие лепестки диковинной ромашки.

Едва вентилятор остановился, с раскладной армейской кушетки в углу легко поднялась женская фигура. Высокая, по-спортивно подтянутая, с небольшой, высокой и округлой грудью. Лениво прошлепав к примитивной машине, она набрала заряд верчением старого жестяного колеса. Под смуглой кожей обнаженных рук проступили безупречные, будто отлитые из бронзы мускулы.

– Следующий раз – твой, – почти не сбив дыхания, улыбнулась девушка в полумрак.

Широкоплечий мужчина, без остатка занимавший похожую кушетку у противоположной стены, заинтересованно повернул крупную лобастую голову.

– И даже не думай увиливать...

– В мыслях не держал, малыш, – басисто отвечал здоровяк, переворачиваясь на другой бок и заставляя «раскладушку» молить о пощаде. – А ты, бесстыжая, лучше бы оделась...

– Можно подумать, ты что-то там не видел... – Улыбаясь, смуглянка подошла к окну, ловя трепещущую занавеску за край и предусмотрительно прикрываясь от случайных взглядов с улицы. – Или подашь на меня в шариатский суд?

Здоровяк только хмыкнул, не переставая вертеть крохотный блестящий кругляш, который уже полчаса тискал в пальцах, изучая со всех сторон.

Девушка, повторно запустившая потолочный вентилятор, и вправду была одета весьма фривольно – в короткий обтягивающий топ, только добавляющий формам эффекта, да столь же миниатюрные шорты, дерзко подчеркивавшие бедра и упругий зад. Появись она в таком виде на замусоренных улицах Рага-Рея, и меньшее, что ждало бы безумную на следующее утро, это побитие камнями...

Назанин Фарахани, почти тридцать лет назад родившаяся на окраинах Эль-Парижа, безумной не была. Коренная французка, она лучше многих понимала, как именно стоит вести себя дочери правоверных стран, находясь в публичных местах. Прикрываясь пыльной занавеской, она задумчиво всматривалась в августовскую жару, не упуская ни единой мелочи.

Здоровенный самодельный плакат, вывешенный на балконе дома напротив, со всей прямотой заявлял: «Синдин убивает!» Буквы скакали, словно автор агитационной продукции в момент созидания был пьян или болен, а саму простыню подвесили до того криво, что та норовила сорваться при первом же сильном порыве.

Светло-бежевые панельные многоэтажки густозаселенного Рага-Рея напоминали вырубку из пчелиных сот, расставленные вертикально. Изнывая от жары, жилые дома жались друг к другу, не без причины дожидаясь скорого сноса.

То здесь, то там в их плотном строю уже виднелись основательные проплешины – это на месте аварийного или рухнувшего жилья возводились новые высотки, престижные и сейсмостойчивые.

Уже второй год очаг благополучия упорно смещался на юг холмистой агломерации, подчиняясь изменившейся географии. Там, где еще четыре года назад раскинулись дорогие окраины района Шемиран, теперь лизали камни воды нового Среднеазиатского моря, после Инцидента ринувшегося на штурм северных предместий Тегерана. Но нищий Рага-Рей своих позиций сдавать так просто не собирался, с высоты одиннадцатого этажа по-прежнему напоминая лабиринт или безжалостно изгрызенный мышами кусок сыра.

Один из административных центров Омарского эмирата вообще восстанавливался на удивление скоро, прямо-таки на зависть соседям. И в более спокойные времена привычный к танцам земной коры город, с сосредоточенностью умудренного гончара, принялся возрождать себя через считанные месяцы после того, как земной шарик содрогнулся от Арктики до мыса Горн.

Назанин скользнула взглядом по горной, присыпанной снегом гряде, нависающей над северо-западной границей Тегерана – изломанному Инцидентом, но сохранившему величие хребту Эльбрус. Затем по крышам, усеянным антеннами, почти бесполезными нынче. По многочисленным бельевым веревкам, узким наклонным улочкам и новеньким высоткам, выстроенным в виде пирамид. По бесчисленным подъемным кранам и другой строительной технике. По высоченному скелету коммуникационной вышки-ретранслятора, с непостижимой скоростью возводимой инженерами корпорации «Науком» в сердце деловых кварталов.

Москвичи оказались молодцами. То ли к глобальной катастрофе были подготовлены лучше иных, то ли оправиться сумели раньше. Но когда на новых вулканах планеты еще оседал пепел, они уже проворно сновали по миру, направо и налево помогая возрождать то, без чего человек уже не представлял цивилизованного существования – возрождая сеть, царство Цифры и свободы.

А еще они ничего не просили. Они давали.

Например, насколько была осведомлена Назанин, заходя на очередную площадку с предложением о внедрении нового сетевого формата и монтажа уникального оборудования – будь то крупный город или Анклав, – «наукомовцы» совершенно не претендовали на ее скудные энергетические ресурсы.

В народе шептались про злую магию и Дьявола, которому верхолазы корпорации продали души за вечный ток в проводах. Более образованные люди делились крохами информации о Новой Энергии, секрет которой был раскрыт на одном из полигонов «Наукома» незадолго до Инцидента.

Да пусть бы и Дьявол... Уголком губы Фарахани прихватила кончик длинного блестящего ногтя, крепкого, как сталь. Как бы то ни было, в капитальном ремонте планеты москвичи принимали самое активное участие. А по уровню технологичности и разнообразию научных чудес, предлагаемых выжившим, на сегодняшний день с этими русскими не мог сравниться ни один уцелевший Анклав мира...

Назанин, отпустив занавеску, отступила от окна.

Наступало время предвечерней молитвы Аср, а это означало, что ленивому ничегонеделанью вскоре придет конец. Добравшись до кушетки, девушка опустилась на влажную от пота простыню, нащупывая под «раскладушкой» пачку сигарет. Закурила, пуская струи в потолок. Оживший вентилятор принял игру, лениво скручивая дым в причудливые и недолговечные образы.

– Все еще возишься со своей драхмой? – лениво, чтобы хоть чем-то занять себя в ожидании, поинтересовалась Назанин, косясь на великана у дальней стены.

– Это не драхма, малыш, – мягко, но определенно не впервые за последние дни, поправил ее Гордон Бакли, заслуженно считавшийся одной из главных боевых единиц группы. – Я же рассказывал, что эта монета называется каппадокийская дидрахма.

Даже в полумраке комнаты было заметно, как восхищенно блестят глаза здоровья.

– Представляешь, малыш, сколько веков этой крохотной монете? Представляешь, сколько рук держали ее, отдавали, получали взамен за товары или услуги? Сколько с ней было связано надежд, чаяний, планов и слез?..

– Не представляю, – пожав плечами, улыбнулась Назанин. – Никогда не привыкну к твоей блажи, собирать монетки...

– О, это не просто монетки...

Заставив кушетку стонать, Бакли сел, опуская колонны босых ног на пыльный пол съемной квартиры. Поднял руку с дидрахмой к единственному окну, будто хотел рассмотреть сокровище на просвет.

– Деньги – это энергия мира. Его ток, его кровь, его пульсация. Они продлевают жизнь и отнимают ее, они власть и религия, они настоящая магия. – Рассуждая, здоровенный ирландец улыбался, словно счастливый ребенок. Кругляш из потемневшего серебра покачивался в пальцах. – Они связывают человечество в единое целое – и они же разобщают его, начиная войны. Деньги – суть цивилизации, ее жизненная сила и проклятье...

– Опять за старое... – Назанин беззлобно усмехнулась, туша сигарету в пепельнице на полу. – Расскажи это тем, кто вкалывает за сухой паек или уже четвертый год живет натуральным обменом.

– Все наладится, малыш, – уверенно кивнул Гордон, пряча дидрахму в кармашек разгрузочного жилета, с которым не расставался даже в самую лютую жару. – Рано или поздно все наладится, и деньги вернут былую ценность, так бывало всегда...

На этот раз Фарахани не удостоила боевого товарища ответом. Закинула руки за голову, смяв облако угольно-черных волос, и уставилась на унылый потолочный вентилятор. При всех странностях ирландца и таком забавном, совершенно не вязавшемся с комплекцией хобби, воином Гордон Бакли оставался отменным, а большего и не требовалось.

Он был настоящей боевой машиной, напичканной электроникой и имплантатами под самую выбритую макушку. Стрелок, подрывник, специалист по ловушкам и выживанию – любая вооруженная группировка, будь то армия государства, элитные подразделения dd или

СБА, дорого бы дала, чтобы заполучить великана в свои ряды. Однако судьба распорядилась иначе, причем задолго до того, как мир начал сходить с ума, задержавшись в конвульсиях.

Освободив кушетку от ста двадцати килограммов живого веса, Бакли шагнул в кухню. Именно шагнул, а не вышел, потому что квартирка, в которой уже четвертый день ютилась группа, площадью больше напоминала поделенный на секции гроб, нежели нормальное человеческое жилье.

Затем Назанин услышала, как Гордон льет воду, наполняя турку из канистры. Как вкладывает в днище горелки брикет синтетического топлива, как чиркает спичкой. Готовя кофе и протирая чашки, здоровяк мурлыкал себе под нос, немзыкально, но с большим энтузиазмом.

Можно было поклясться, что и сейчас он изучает свою монетку – иногда было неясно, чему больше радовался наемник: новой миссии или приобретениям в коллекцию, которые имел возможность делать, разъезжая по восстанавливающемуся миру.

Фарахани улыбнулась, забавляясь собственными размышлениями.

Встретить такого быка, как Бакли, в темном переулке для любого здравомыслящего человека означало инфаркт и мысленное прощание с жизнью. На самом же деле ирландец был вовсе не злобен, позволяя читать душу, словно распахнутый комикс.

Впрочем, одернула себя девушка, такое радушие касалось только их группы, за много лет совместной работы превратившейся в настоящую семью. К противникам и, если так выходило, врагам Гордон был беспощаден, словно карьерный экскаватор.

Когда кофе начал закипать, слуховые имплантаты Назанин уловили на лестничной клетке шаги. Мгновенный анализ показал, кому принадлежит походка. Тем не менее от девушки не укрылся глухой стук, с которым Бакли выложил на кухонную тумбу свой увесистый «дыродел».

Щелкнули замки квартиры, которую группа снимала в одной из уцелевших многоэтажек Рага-Рея. Бакли продолжал мурлыкать, вернувшись к наблюдению за горелкой.

– Я бы тоже не отказался от чашечки. – Уловив манящий аромат дорогущего натурального кофе, Хуго Энkvист среагировал мгновенно и энергично.

Затем шеф оперативной группы неспешно вытер ноги о коврик в прихожей, прошел в главную комнату, которую Назанин и Бакли делили с Бригеллой. Бросив на потолочный вентилятор короткий взгляд, швед шагнул к динамо-машине, несколькими ритмичными рывками увеличив заряд батареек.

Сейчас Фарахани видела его снизу вверх, и если бы не специальная программа «балайки», на фоне светлого прямоугольника окна могла бы различить лишь силуэт. Высокий, статный, с аккуратно уложенными соломенными волосами, Энkvист казался голографической моделью из сетевого журнала мужской моды.

– Все готово, – присев на стул, отчитался старший, легко барабанив пальцами по пластмассовому подоконнику. Из потайной пистолетной кобуры на его поясе показался плоский компактный «корд», аккуратно выложенный на стол. – Клиент покинет здание через сорок минут, парни уже на позиции.

– Уверен, что я должна остаться? – Девушка даже привстала, вопросительно склонив голову.

– Уверен.

Дальнейший спор с Энkvистом смысла не имел, хоть феромоны в ход пускай. Если командующий группой принимал решение, переубедить его было делом непосильным. Впрочем, логику приказа Назанин принимала всецело – наличие в операции женщины могло привлечь ненужное внимание полиции.

В комнату вернулся Бакли, держа в огромных ладонях сразу три дымящиеся чашки. Раздав кофе, он уселся на «раскладушку» Бригеллы, прихлебывая мелкими глотками.

– Грузовик на подвальной парковке, – глубоко вдыхая терпкий аромат, продолжил Хуго, оглянувшись на скрытого полумраком ирландца. – Униформа под водительским сиденьем,

дорожные знаки и «колпаки» в кузове. Номера чистые, об угоне не станет известно еще пару дней. Покончишь с кофе, можешь выдвигаться.

Здоровяк молча кивнул, отпив еще чуток. Назанин, поставив свою чашку под кушетку, сунула в губы сразу две сигареты. Прикурила одновременно, одну протянув командиру. Тот благодарно кивнул, затянулся и только после этого попробовал горячий напиток.

– Наза, подготовь тут все, – распорядился он, кивнув в сторону второй комнаты, которую занимал вместе с ломщиком. – Пленку я купил, рулон в прихожей.

Какое-то время в молчании пили кофе и курили, заставляя вентилятор разбрасывать по квартире дымные шлейфы. Затем Бакли унес пустые чашки на кухню, выставил на единственный шаткий стол спортивную сумку и принялся переодеваться.

Легкая сетчатая туника отправилась в угол, вместо нее ирландец затянул торс в обтягивающую кевлайкровую футболку. Обулся в удобные легкие ботинки с высоким голенищем. Накинул наплечную кобуру для «дыродела», жилет с коротким ножом, подсумками для пистолетных магазинов и двумя крохотными взрывпакетами; прикрыл арсенал национальным летним халатом. Глаза Гордон спрятал за черными солнцезащитными очками, на голову надел легкую шляпу из искусственного льна.

Не прощаясь, вышел из квартиры, тщательно заперев дверь.

Энквист, будто не заметив его ухода, продолжал смотреть в окно. Девушка, по-прежнему лежа на кушетке, украдкой рассматривала его точеный профиль, пытаясь угадать, о чем думает вожак.

Это было бесполезно. Не помогал даже опыт плотских отношений, в которых Назанин и Хуго состояли почти полгода, еще до того, как Земля решила проверить на прочность орбитальные цепи. О чем думает Хуго Энквист, знал только сам Хуго Энквист. И то, как порою казалось, не всегда.

Вязкую тишину, нарушаемую только отголосками улицы и шуршанием вентилятора, раздробил телефонный звонок. Словно дождавшись сигнала, Энквист пружинисто встал и вышел в прихожую, где на пестром фоне облезлых обоев притаился настенный старинный телефонный аппарат. Сегодня, в мире едва возрожденных цифровых технологий, в крупных городах и даже ряде Анклавов снова правила бал примитивная проводная связь.

– Алло?.. Нет, уважаемый, вероятно, вы перепутали номер. – Назанин услышала, как Хуго произнес кодовую фразу на чистейшем фарси, а затем повесил трубку.

Вернувшись в комнату, швед задрал рубашку, пряча верный «корд». Кивнул девушке.

– Мы начинаем.

И вышел из квартиры столь же быстро, как Бакли за несколько минут до него.

Фарахани поднялась с кушетки, сладко потянувшись.

Из комнаты шефа предстояло вынести вещи, в том числе и армейские раскладушки, а пол и стены застелить тонкой прозрачной пленкой, ждущей своего часа в коридоре...

Легким бесшумным шагом Энквист спустился на двенадцать этажей, приветливо кивнув проверяющему почтовые ящики старику. Парковка встретила прохладой, по сравнению с пеклом улицы превратившись в настоящий рай.

Машинально отметив, что подготовленный для Бакли грузовичок исчез, Хуго зашагал к своему мобилу – мощной многосильной «БМВ Фалькате» серебристого цвета, жрущей чрезмерно много электричества даже для внедорожника представительского класса. Увы, но если все пойдет по плану, с прекрасной прожорливой машиной придется распрощаться уже сегодня ночью...

Усевшись за руль, Энквист активировал приборную панель, вынимая из бардачка темные очки и кепку. Точно так же, как несколько веков назад, нынче лучшим способом остаться инкогнито стало умение маскировать лицо и растворяться в толпе. Машина, конечно, приметная, но «Фальката» в Тегеране все же не штучный товар.

Вырулив из подвала многоэтажки, мобиль тактично влился в редкий ручеек транспорта, двигавшегося на север агломерации. В потоке преобладали велосипеды, велорикши и электромопеды, но и более основательной автоматизированной техники хватало.

Над улицами замелькали паруса рекламных плакатов. Не электронных и до жути объемных, как было четыре года назад, а самых обыкновенных, из тонкой баннерной ткани, аляповатых и смешных, иногда смонтированных нерадивыми работниками вкривь.

Кондиционер прогнал жару, омывая тело приятными дуновениями. Жители эмирата, лишенные подобных благ, обливались потом за окном мобиля, ожесточенно крутя педали велосипедов и на окружавшие легковые машины посматривая со смесью подобоострастия и зависти.

Полицейские посты на обочинах казались выброшенными на берег боевыми батискафами. Задраив люки и ошетилившиеся стволами, их неприступные бетонные кубышки не подавали признаков жизни, стараясь лишний раз не вмешиваться в размеренную городскую жизнь.

Хуго приближался к Новому Содегийе, району деловой активности агломерации, где сеть худо-бедно, но в течение дня держалась. Приподняв на затылке белые волосы, он подключил «балалайку», этим утром выданную ему ломщиком группы.

Службы городского контроля сетевого пространства благосклонно зарегистрировали виртуала, после непродолжительной процедуры идентификации открыв доступ к навигационным ресурсам и новостным каналам.

Энквист синхронизировал «балалайку» с приборной доской, вывел изображение на проекционный дисплей справа от руля. Лихо проскочил десяток развлекательных частот, остановившись на канале «Аль-Джазире».

Ведущий был выхолен и выбрит настолько, что заставлял заподозрить инфоканал в использовании трехмерных виртуальных проекций. Стоя на фоне огромной груды дымящегося мусора, он невозмутимо зачитывал в объектив:

– Сегодня ночью по неустановленной причине на юго-восточной границе района Варамин рухнул двенадцатиэтажный нежилой дом. По заключению экспертных служб, постройка была признана непригодной для реконструкции еще три года назад во время планового осмотра, после чего отведена под снос. Тем не менее, по словам очевидцев, высотное здание уже не первый месяц являлось прибежищем для большого количества бездомных, нелегально проживавших в аварийной постройке.

Хуго нахмурился, сообразив, что гора хлама за спиной ведущего когда-то была огромным бетонным зданием. Холеный диктор продолжал:

– По предварительным данным, все незаконно проживающие в здании погибли. Как выяснил наш корреспондент, на месте крушения уже обнаружены тела сорока трех человек, девять из которых были детьми...

Энквист нахмурился, почесал кончик носа и отключил дисплей, мысленно проклиная беспечность семей, выбравших неустойчивую постройку своей братской могилой.

С момента Инцидента прошло уже четыре года. Время, когда такие известия воспринимались как сами собой разумеющиеся, осталось в прошлом. Сейчас, в мире восстановления и подъема с колен, столь нелепая авария вновь заставляла задуматься – действительно ли существует Бог? Отчего допускает подобное? Неужели настолько жесток? И что нужно сделать, чтобы избежать его карающей длани, заслужив чудесное избавление?..

В уголке глазного экрана предупредительно замигал яркий, смутно знакомый логотип. Системное сообщение напоминало, что с начала текущего месяца обитатели городской сети имеют возможность бесплатно ознакомиться с новым сетевым форматом, предоставленным корпорацией «Науком». Для изучения потенциала наукомовской сети пользователю предлагался двухчасовой тест «балалайки» нового поколения в любом из офисов корпорации, или скачивание специальной эмуляционной программы на свой личный чип.

Движением указательного пальца по рулю проложив курс, Энkvист перестал ориентироваться по щитовым указателям вдоль многополосной трассы. Часы на краю напыленного нано-экрана сообщали, что через десять минут клиент покинет здание городской администрации сквозь парковочный шлюз № 3.

Сообщение, замаскированное под безобидную спам-рассылку, дало понять, что Гордон Бакли достиг места назначения. Хуго чуть прибавил скорость, аккуратно объезжая стайку рикш.

Как обычно, расчет оказался верным – его «Фальката» подкатила к бетонному двадцатизэтажному кубу мэрии и Исламского городского совета ровно в тот момент, когда рольставни третьих парковочных ворот поднялись, выпуская в августовский вечер крохотный бледно-зеленый мобиль.

Короткого взгляда в окно хватило для понимания – за рулем оказался именно тот, кто нужен. За четыре года работы в хаосе члены группы Энkvиста выработали такую зрительную память, что способностям вычленять лица в толпе позавидовал бы любой «раллер».

Пристраиваясь в хвост юркому «Форду Эталону», Хуго почувствовал, что у него покалывает ладони. Верный признак начинающейся заварухи, как говаривал Бакли, который ничего подобного не испытывал отродясь. Размяв затекающую от напряжения шею, Энkvист увел машину в крайнюю левую полосу, начиная осторожно оттирать другие мобили. На него засигналили, но это беспокоило меньше всего – в пышущем активностью районе города случайные свидетели не вспомнят не только номера «Фалькаты», но и ее цвет.

Впереди, возвышаясь над другими мобилями горбатой тушей, виднелся фургон Бригеллы, неспешно катящийся в нескольких корпусах впереди «Эталона».

Покрутившись по центру, клиент на несколько минут притормозил возле продуктового магазина. Поставив в багажник высокий увесистый пакет, направился на юг, в жилые районы. Фургон все это время находился перед его мобилем, Энkvист – позади. Все шло по плану.

Тот, впрочем, особой замысловатостью и не блистал. В конце концов, в задачи группы входило рандеву с обыкновенным муниципальным служащим, а вовсе не проникновение в личную резиденцию шейха. Поэтому и к самой операции, и к выбору ее инструментов швед подошел с позиций минимализма и надежности переменных.

Свернув с Бесат Хайвэй, зеленый «Эталон» устремился в плотную застройку жилых кварталов, в немалой степени напоминающих бедные многоэтажки Рага-Рея. Улицы здесь в большинстве своем имели одностороннее движение, отчего замысел Энkvиста приобретал легкость и простоту.

«Эталон» миновал перекресток, затем еще один.

Однако на следующем, совершенно не оживленном, водителей и велосипедистов ожидал сюрприз...

Грузовик дорожной ремонтной службы был припаркован точно поперек проезжей части и окружен ровным строем оранжевых предупредительных колпаков. Перед машиной с энтузиазмом заправского регулировщика поток мобилей по окрестным улочкам распределял здоровяк в яркой спецовке и ярко-желтой каске. «Балалайка» тут же дала сбой – это сработали специальные сетевые глушилки, собранные умелыми руками Жицкого.

Ворча и эмоционально жестикулируя, тегеранцы все же подчинялись дирижированию. Аварии и прорывы коммуникаций стали делом житейским, ежедневным, давно не удивляя никого из местных.

Притормозив и дожидаясь своей очереди, Энkvист поерзал на сиденье. Операция вступала в решающую фазу, когда любая незапланированная мелочь могла повлиять на ее исход...

Внимательно осмотрев фургон Бригеллы, дорожный рабочий велел машине уходить влево, в узкую улочку со старинным названием, вся проезжая часть которой состояла из одной полосы. Фургон послушно свернул, невзирая на габариты, ловко втиснувшись в проулок. Две

следующие легковушки и поток велосипедов Бакли отправил направо, беспрестанно улыбаясь и оживленно размахивая руками.

С презрительной усмешкой покосившись на крохотный «Эталон» клиента, ирландец дал ему отмашку налево. Когда светло-зеленый мобиль скрылся в нужном переулке, а еще две машины перед Энkvистом были распределены в противоположную сторону, Хуго запечатал коробочку.

По обеим сторонам чуть наклонной прямой улочки поднимались глухие стены жилых домов, усеянные коробками дохлых кондиционеров. Двери, ведущие в подсобные помещения, были крепко заперты. Мусорные баки, уже опустошенные муниципальными службами, расставлены ровными плотными рядами, чтобы не мешать движению транспорта.

Клиент занервничал через сорок две секунды.

Фургон, без просвета закупоривший выезд из каньона, двигался медленно, будто неохотно, вот-вот норовя заглохнуть. Сзади со склона напирала богатая серебристая «Фальката», нетерпеливо помаргивавшая фарами.

Сидящий за рулем «Эталона» худосочный мужчина уже приоткрыл окно, чтобы обрушить на водителя фургона поток цветастой брани, как тут на асфальт прямо перед капотом его мобиля плавно опустилась специальная аппарель.

Хуго вдавил педаль газа в пол.

Тяжелый бугель внедорожника уперся в задний бампер «Форда», толкнув под горку так резко, что у клиента дернулась короткостриженная голова. Тот затравленно обернулся, выискивая новую цель агрессии, но уже в следующее мгновение все понял.

Дал по тормозам, но масса состязавшихся мобилей была несравнима. Двумя мощными рывками «Фальката» Энkvиста буквально вдавила «Эталон» в просторные недра фургона, технично откатившись с пустой аппарели.

Бакли, на ходу срывавший с себя спецодежду дорожных служб, одним прыжком заскочил в ловушку следом за «Фордом». Последнее, что Хуго увидел перед тем, как тяжелая створка встала на свое место – ирландец выхватил «дыродел».

Бригелла, управлявший фургоном, тут же увеличил скорость, вырвавшись из переулка и потерявшись в стаде грузовых машин, идущих из промышленных районов на юго-востоке Тегерана. Энkvист свернул в другую сторону, внимательно осматриваясь и выискивая возможных очевидцев этого стремительного похищения. Таковых не наблюдалось...

Несколько раз объехав Новый Содегий по периметру, Хуго припарковался возле гудящей ульем строительной площадки, где возводили громадную мечеть. Выключил «балалайку», выбросив ненужный более гаджет в ливневую канаву. Поставил мобиль на сигнализацию и зашагал к ближайшей стоянке велорикш.

И уже через двадцать три минуты поднимался на одиннадцатый этаж жилого дома в районе Рага-Рей, где его группа вот уже несколько дней снимала убогую тесную квартирку.

Дверь, пряча «дыродел» за створкой, открыл ему Шигеру Кодо, которого большинство сотрудников Энkvиста предпочитали величать именем персонажа старинной итальянской комедии – Бригелла. Вероятно, главная причина состояла в том, что Кодо, чистокровный «самурай» от рождения, еще до совершеннолетия избрал путь уличных лицедеев и масок, после тесного общения с пластиками превратившись в человека без национальности. Не меньше на создание образа «первого дзання» уличных пьесок повлияли акробатические способности японца, его таланты в альпинизме и умение невероятно много пить.

– Свидетели? – негромко поинтересовался Хуго, проскальзывая в квартиру и прикрывая за собой дверь.

Шигеру покачал головой.

– Все чисто, босс. Поднялись быстро и без заминок. Бакли проверял лестницы, поляк «зашумел» камеры наблюдения на паре квартир.

Энквист удовлетворенно кивнул, неспешно проходя в душную берлогу. Выложил «корд» на прежнее место, глотнул из кувшина на столе теплой и чуть затхлой воды.

Кроме командира в большой комнате сейчас находился только Гордон. Бригелла на кухне о чем-то негромко беседовал с ломщиком группы, миниатюрным Даниэлем Жицким, в кругах машинистов известным под именем Невроз, а Назанин контролировала клиента, находясь за дверью соседнего помещения.

– Как прошло, Бакли? – опускаясь на стул у окна, спросил швед, наблюдая, как Гордон стягивает пуленепробиваемую футболку.

– Гладко. – Обтирая взопревшие бока гигиеническими салфетками, ирландец широко улыбался. – Клиент, конечно, брыкался... на помощь звал, к коммуникатору тянулся. Но я его пристукнул. Слегка, Хуго, клянусь душой матери! И тишина. «Балалайку», дело ясное, вынул сразу, других чипов Невроз не нашел.

– Костолом... Где его мобиль?

– На парковке за Национальным театром. «Балалайка» под педалями.

– Хорошо.

Хуго снова взял со стола кувшин, осушил его почти до дна. Как обычно после окончания активной фазы операции, его начинала мучить сильная, почти неутолимая жажда. Теоретически, он мог докопаться до истоков этой привычки. Не хотел.

– Мы поработаем с клиентом, – распорядился Энквист, прикрывая оконные створки и задерживая занавеску, – а вы пока разберитесь с ужином: на пустой желудок я лететь не хочу.

– Будет сделано, шеф, – подмигнул ему ирландец, втискиваясь в разгрузочный жилет и машинально проверяя монетку в одном из его карманов. – Паста или фасоль?

– Паста, – негромко ответил Хуго, входя в соседнюю комнату.

Там все выглядело именно так, как он себе и представлял по дороге в Рага-Рей...

Пол и стены покрывает слой тонкой матовой пленки, неприятно шуршащей под ногами. Кушетки вынесены прочь, окно плотно закрыто и даже завешено одеялом. Свет дает крохотная лампа в углу под потолком, вентилятор над головой неподвижен.

Посреди комнаты установлен единственный стул, к которому за лодыжки и запястья эластичными наручниками пристегнут мужчина средних лет. По виду – араб из испанцев, но наверняка утверждать нельзя.

А вот определить его профессию труда не составляет – под короткими волосами на левой стороне головы виднеется старая татуировка, причисляющая клиента к братству машинистов. Глаза мужчины затянуты матовой ярко-белой пленкой, временно отнимающей зрение – это эффект от впрыснутого в нос препарата.

Конечно, после завершения беседы бензодиадепиновый «ластик» подчистит сознание пленника, превратив похитителей в размытые образы из тревожных сновидений. Но Хуго все равно страховался, вводя в уравнение даже самую мизерную возможность применения гипно-методик или пробивной полицейской химии, сжигающей мозг, но успевающей восстановить память, словно битые секторы жесткого диска...

Вздрагивая от каждого шороха, скованный мужчина вертел головой, пытаясь угадать происходящее в комнате. Его молочно-белые глаза, покрытые тонкой сетью лопнувших капилляров, напоминали шарики из потрескавшейся глины. В этом было что-то от «Гомеровского взора», нацеленного далеко за грань человеческого бытия. Но животный страх, волнами исходящий от сидящего на стуле, убивал сравнение, превращая клиента в новорожденного котенка...

Фарахани обнаружилась в дальнем, самом темном углу, задумчиво перебирая разложенные на столике инструменты. Ее роскошная черная грива, скрученная в шар, пряталась под хирургической шапочкой.

Вошедшему молча кивнула, улыбнувшись одними глазами, и Энквист приветливо улыбнулся в ответ. Приложенный к пухлым губам ноготок девушки означал, что клиент осведомлен о запрете на крик, это же подтверждал и свежий кровоподтек на его виске.

В следующее мгновение лицо Хуго окаменело, начисто избавившись от эмоций.

Прикоснувшись кончиками пальцев к обшитой полиэтиленом стене, он обошел машиниста по кругу, нарочито громко шурша пленкой. Привязанный к стулу мужчина встrepенулся, слепо повернувшись на звук.

– Ради Аллаха, что вам нужно?.. – просипел он, едва ворочая пересохшим языком.

– Ты хорошо спрятался, Сабад, – негромко и вдумчиво произнес швед, проигнорировав вопрос. – Но мы нашли тебя, и отпираться не стоит...

– Сабад? – Пленник дернулся, будто пробуя пути на прочность. – Кто это? Меня зовут Исмаил, вы меня с кем-то спутали! Кто вы такие? Что вам от меня нужно? – повторил он

От клиента продолжало веять страхом, этот запах Хуго не спутал бы ни с чем иным. Страх окружал Сабада аль-Тани плотным облаком, укрывавшим в себе грозу скорой истерики. Такой эмоциональный климат представлялся Энквисту наиболее подходящим для выуживания информации без применения силовых методов.

Он остановился за левым плечом связанного, наклоняясь к пустому разъему «бала-лайки».

– Слышишь это шуршание под ногами, Сабад? Понимаешь, зачем стены и пол укрыты пленкой? – поинтересовался он, четко выговаривая слова. – Чтобы не испачкать комнату твоей кровью, конечно же...

Сабад аль-Тани, утверждавший, что его зовут совсем иначе, затрясся мелкой дрожью, подавшись вперед так, что жгуты наручников глубоко врезались в кожу. Незрячие глаза часто моргали, наивно намереваясь справиться со слепотой.

– «Открывалки» стоят денег, – продолжал Хуго под восторженным взглядом девушки. – Купить пассатижи, ножницы для металла, клещи и набор игл оказалось значительно дешевле...

Подтверждая слова командира, Назанин провела рукой по разложенным инструментам, заставив их забренчать. У Сабада предательски клацнули зубы.

– А еще мы купили паяльник, – доверительно сообщил ему Энквист. – С электричеством в доме проблемы, но это не должно тебя тревожить, Сабад, у нас есть сразу две динамо-машины...

– Я не тот, кто вам нужен... – простонал пленник, обмякая. – Зачем вы меня мучаете? Меня зовут Исмаил ибн Ханун! Я обычный муниципальный служащий... Я даже не старший машинист, работаю на коммунальных направлениях, мне неизвестны ни ценные коды доступа, ни адреса архивов! Пожалуйста, отпустите меня, я могу заплатить... Совсем немного, но у меня есть накопления...

– Нам не нужны твои деньги, Сабад. – Хуго обошел клиента, наклоняясь к его лицу. – Нам нужна информация. И как только мы получим ее, ты благополучно вернешься домой. Целиком.

Он слышал, как на кухне Бакли гремит кастрюлями, охотно приступая к обязанностям отрядного повара. Фарахани протянула руку, в которой была зажата стамеска, и быстро прикоснулась к щеке аль-Тани. Тот вздрогнул, будто получил удар в челюсть.

– Тебя зовут Сабад аль-Тани по прозвищу Клёст, – негромко продолжил Энквист, не меняя гипнотического тембра. – Во всяком случае, звали до того, как на Станции случился выброс. Ты бывший нейкист, вполне сносный машинист и средней паршивости гравер, который до падения Сорок Два работал в подразделении под названием «Кромлех». Работал по «железу». А когда все рухнуло, ты бежал из Союза, превратившись в Исмаила ибн Хануна и осев в муниципалитете Тегерана. Поправь меня, если я где-то ошибся?

Беспомощный, привязанный к стулу и ослепленный химией клиент замотал головой. По худым небритым щекам покатались слезы. На пленника было жалко смотреть.

– Нейкист? Нет-нет, говорю же, вы меня с кем-то перепутали!..

Он оправдывался крайне убедительно, пронзительно и отчаянно. Так отчаянно и убедительно, что смог бы растопить не одно сердце, если бы у людей в комнате еще оставались сердца.

– С чего вы взяли, что я нейкист? Нет бога, кроме Алл...

Хуго требовательно протянул руку, и девушка вложила в нее плоскогубцы. Ухватившись за рукоятки, швед легко прихватил кожу на шее машиниста холодными железными щечками. От болезненного щипка крепко скованный мужчина вскрикнул, отшатнувшись так резко, что чуть не перевернул стул.

– Закричишь еще раз, – предупредил блондин, возвращая инструмент Назе, – и я лично вырежу тебе голосовые связки. Упомянешь Аллаха еще раз, участь будет той же. Мы знаем, что ты сменил веру, как только поменялся управляющий планетой ветер. Но до того как на свет появился Исмаил, этим телом управлял машинист под позывным Клэст, собиравший «железо» для «Кромлеха». С ним-то я и хочу побеседовать...

Опустив голову на грудь, какое-то время пленник молчал, кусая губы и безмолвно рыдая. На его штанах расплзлось темное пятно, запахло мочой. Энkvист терпеливо ждал, все еще склоняясь над клиентом, Фарахани закурила.

– Как вы меня нашли? – наконец прошептал Сабад, содрогаясь всем телом.

– Это не имеет значения.

– Вы оставите меня в живых?

– Да, – коротко ответил ему швед. – Даю слово.

– Что вы хотите знать?

Хуго выпрямился, смахивая с виска пот. Посмотрел на улыбающуюся сквозь дым девушку, удовлетворенно кивнул. Зашел за спину Клэста, взял предложенную сигарету, прикурил. От щелчка зажигалки Сабад аль-Тани вздрогнул, ожидая продолжения пыток.

– Что именно собирала ваша рабочая группа по заказу «Кромлеха»? – спросил дознаватель, выдыхая облако в спину машиниста.

– Не знаю... – Тот лихорадочно замотал головой, словно за такой ответ могло последовать наказание. – Мы работали в одной из многочисленных электролаб, собиравших «поплавки» для Пророка... Все знают, что деньги Сорок Два тогда лились рекой. А где-то за полгода до Инцидента по чьему-то приказу свыше нам выделили отдельную лабу. Производственные мощности, неограниченные возможности, настоящие корпоративные цеха. Наверное, группе поставили какую-то особую задачу, но главным ее гравером был не я...

– Кто?

– Бамбуковый Меч... – Пленник поперхнулся. – Он погиб незадолго до Инцидента...

Хуго затаился сигаретой. О гибели всех старших граверов, имевших отношение к проекту «Кромлеха», он знал. Но правда, исторгаемая потрескавшимися устами клиента, давала надежду на позитивный исход переговоров.

– Продолжай.

– У нас не было даже единой схемы... – Клэст продолжал дрожать, постукивая зубами. – Всех держали в неведении, использовали вслепую, будто рабов. Мы гравировали детали «раллеров»... необычных «раллеров». Но окончательной сборкой занимался кто-то другой, все цеха лабы были децентрализованы...

– Что в «раллерах» было необычным?

Хуго тут же пожалел, что в переговорах не участвует Невроз. Но поляк был слишком впечатлительной натурой, чтобы тащить его в комнату допроса.

– Их финальный контур не был заведен на автономку, – выдавил бывший гравер, ерзая на стуле в луже собственной мочи. – Парни предположили, что кто-то наверху хочет сомкнуть сразу несколько машин... как пазлы... полный бред, я понимаю, но другого объяснения мы не нашли...

– Где располагалась лаба? – Энквист затушил сигарету в пепельнице, протянутой Назанин.

– В Анклаве Монреаль...

– Точнее?! – В голосе Хуго добавилось холода и азарта.

– Район Перрон... Кот-Де-Перрон, – всхлипнул Сабад. – Точнее не скажу, даже улицу не помню, все как в тумане... Нас привозили, увозили, каждый вечер был похож на новогоднее шоу... От Синдина я уберегся, но если мозг не был нагружен работой, я заливал его амфитаминами и бухлом...

В голосе аль-Тани перемешались восторг по лихим денькам триумфального прошлого и откровенное презрение к себе. Он почти перестал плакать, и швед догадался – Клэст выдал все, что считал важным и ценным, приготовившись к расправе. Слепые глаза уставились в одеяло на окне, плечи обреченно опустились. Сейчас пленник был похож на умирающего пустынного стервятника, лысого, клювастого и длиннеего.

Фарахани вопросительно посмотрела на командира. Тот неопределенно пожал плечами.

– Это все, что ты можешь рассказать про свою работу на «Кромлех»? – вкрадчиво поинтересовался Хуго, и Сабад поник еще сильнее, окончательно уверовав, что наступил его смертный час.

– Все.

Энквист кивнул девушке, и та принялась с лязгом монтировать телескопическую капельницу. Рывком вскрыла пакеты с препаратами.

– Сейчас ты уснешь, Клэст. – Подступив к пленнику, Энквист наклонился к его уху, поросшему тонкими сизыми волосинками. От бывшего гравера ужасно пахло, но блондин не обращал на это внимания. – Уснешь надолго...

– Вы же дали мне слово... – простонал Сабад, и на его губах вздулись пузырьки вязкой слюны.

– И сдержу слово. Ты не умрешь. Но когда проснешься через несколько дней в луже собственных испражнений, – честно признал Хуго, – не будешь помнить ни этот разговор, ни последние недели своей жизни. Возможно, последние месяцы. Может быть, даже годы. Но это лучше, чем умереть, не так ли?

Вместо ответа машинист Тегеранской мэрии лишь судорожно кивнул, до хруста стиснув зубы.

Назанин освободила от пленки кусок пола. Бросила туда тощий матрас, рядом установила капельницу. Затем присела на корточки напротив клиента, цепко ухватив его за предплечье.

Ослепленный Клэст дернулся, заскулил, засеменил ногами, но девушка ловко вогнала иглу в вену, выпуская снадобье в кровь. Пленник еще раз вздрогнул, изо рта стекла блестящая ниточка, а затем он затих.

Расстегнув путы, Энквист помог напарнице перенести мужчину на лежанку.

Пока Фарахани налаживала капельницы, с помощью липкой ленты фиксируя иглы на руке Сабада, аккуратно скрутил в рулоны полиэтилен со стенок и убрал инструменты в ящик. Снял с окна одеяло, выключил свет. Еще раз осмотрев прибранную комнату с храпящим в углу гравером – точно на том месте, где еще сегодня ночью спал сам Хуго, – швед и Назанин вышли, плотно прикрыв за собой дверь.

– Заждались? – улыбнулась француженка, снимая тонкие медицинские перчатки и бросая их в мешок с вещами, подлежащими скорому сожжению.

– Ужин почти готов, – пробасил в ответ Гордон, все еще колдующий на кухне. – Присаживайтесь.

Шигеру и Невроз, уже занявшие места за выставленным на середину комнаты столом, вопросительно уставились на командира. Тот неспешно опустил голову, и едва ли не дословно передал ломщику группы беседу с клиентом.

Худое, словно слепленное на черепе из птичьих костей лицо Жицкого пришло в движение. Губы кривились и прикусывались, нос морщился, по лбу пробегали складки. Выдавая умственное напряжение, зашевелились даже татуировки на лысой голове. Как обычно, когда ситуация требовала полнейшей сосредоточенности, пальцы Даниэля потянулись в рот, а зубы принялись мелкими кусочками обкусывать ногти, и без того выглядевшие неопрятно.

Энквист, оставляя ломщика наедине с собой и не желая наблюдать за дурной привычкой, отвернулся к Бригелле и Назанин.

Из кухни показался Бакли, расставил тарелки и стаканы. Неодобрительно покосился на поляка, пробубнив что-то про необходимость ломать руки, но мешать думать большеголовому не стал. И лишь когда в третий раз вернулся к столу, опустив в центр большое блюдо с горой ароматной пасты, цыкнул на Невроза, заставив его очнуться.

– Когда ты уже отгрызешь себе палец, гадкий недомерок? – хмуро поинтересовался ирландец, едва удержавшись, чтобы не отвесить Даниэлю оплеуху. – Хоть бы за столом постеснялся... В общем, кушать подано. Старинный, нужно заметить, рецепт! Так пасту готовят только в одном месте – в пабах Белтербета, откуда я родом...

Принимая правила игры, Шигеру недоверчиво и излишне подозрительно прищурился.

– Бакли, ты же в прошлый раз говорил, что родом из-под Кроссмаглена?!

Энквист хмыкнул. Сидящая рядом Назанин улынулась, краем уха прислушиваясь к мерному дыханию Клёста в соседней комнате. Невроз, вытирая обслуживаемый палец о штанину, тоже хохотнул.

– О, дружище, ну зачем так придираешься к словам? – Здоровяк добродушно отмахнулся от Кодо. – Налетайте, друзья!

– Ужинаем и выдвигаемся, – распорядился Хуго, первым потянувшись к блюду в центре стола. – Бригелла, ты подотрешь следы. Бакли проверит мобиль. Невроз, начинай официальное выселение из «белой норы», дистанционную предполетную подготовку и получи разрешения наземных служб. Мы с Назанин соберем вещи.

Собирать действительно было что, причем речь шла не только об оружии, маскировочных одеяниях или боеприпасах. Запас провизии, причем 100 % натуральной и качественной, уже не первый год стал одним из обязательных авансов, которые Хуго получал от заказчика перед вылетом на «точку».

Натуральные макароны, фасоль, кофе, тростниковый сахар, специи, консервированное мясо... Чтобы не голодать, одновременно не засвечиваясь на рынках посещаемых городов, все это приходилось возить с собой, будто во время путешествия в безжизненную пустыню.

Энквист знал немало мест, где после Инцидента могли убить за любую из старинных жестяных банок, входивших в рацион группы, а потому не собирался оставлять хозяевам квартиры даже запах объедков.

Он в принципе ничего не собирался оставлять, если не считать уснувшего наркотическим сном гравера в соседней комнате. Из всех пятерых, официально вообще никто не присутствовал на территории района Рага-Рей. Согласно электронным документам, «консультанты» проживали в отдельном таунхаусе на западной границе агломерации. А создавать на полицейских серверах видимость их активности и регулярного посещения жилья входило в обязанности Даниэля, с которыми тот успешно справлялся...

Пока еду накладывали остальные, командир разлил по керамическим стаканчикам сладкий, невероятно терпкий миндальный шербет, купленный на местном базаре. Группа разобрала лакомство, все взгляды сошлись на Энkvисте.

– За Севастьянова и добрую дорогу! – традиционно отсалютовал тот, и все пятеро выпили, приступив к ужину и очень уютно застучав вилками.

За окном наступал августовский вечер.

Совсем скоро реактивный конвертоплан с гербом частного оборонного агентства «Горностай» оторвется от взлетной полосы аэроузла имени имама Муддассира, воспарит в темное небо и возьмет курс на запад.

Бинарный код 11

«Прошли сотни лет, но люди их помнят, потому что не золото было их целью, а чистая, как дистиллированная вода, власть. Власть – это возможность вести людей к цели, которую ты видишь и в которую веришь. Ответственность перед теми, кого ведешь. Любой другой ответ не имеет смысла».

Папа Джезе, архиепископ Баварский

– Этот мир никогда не будет прежним, дядюшка... – прошептал наглец с изуродованным лицом, сидящий на расстоянии девяти стульев от великого Раймундо Гамбы.

На расстоянии девяти титахромовых стульев, с виду напоминавших деревянные предметы интерьера двухвековой давности. На расстоянии девяти удобнейших, легких стульев с регулируемой высотой и степенью мягкости сиденья.

Они были настоящими произведениями современного искусства, как все в этом узком кабинете, напоминавшем его хозяину помещение тира. Девять стульев. Безопасная дистанция, абсолютно вежливая и одновременно комфортная для беседы.

– Торговля рабами и оригинальными органами уже не приносит сверхдоходов! – продолжал гнуть свою линию мужчина в красном костюме и белой маске.

Так же, как в предыдущие визиты, он расположился спиной к портретам и лицом к огромным окнам. От этого дневной уличный свет играл на личине, превращая ее в дорогой блестящий фарфор.

– Нашей корпорации нужно искать новые точки приложения сил...

Великолепно откалиброванная акустика рабочего кабинета главы корпорации позволяла не повышать голос, даже находясь на противоположном конце стола. Именно благодаря ей Раймундо слышал мельчайшие нотки раздражения и злости, так старательно скрываемые его племянником.

Дражайшим и любимым племянником, без всякого сомнения или сарказма в оценках родственных связей. Но возмнившим себя взрослым мужчиной, способным отвечать за серьезные поступки, чуть раньше отведенного времени.

– Это решаю я! – Глава совета директоров корпорации «Gruppo Aggiornamento» сделал величественный жест. В воздухе остался густой дымный след от зажатой в сильных пальцах сигары. – Не забывай, кто выучил тебя всему. Вопреки воле брата, я всегда ценил тебя за гибкость ума. Но умоляю – не давай вольнодумству лишней свободы!

Сигарный дым несколько мгновений висел над поверхностью стола, а затем начал медленными тонкими струйками втекать в крохотные уловители, установленные в торцах столешницы. Высокие напольные часы – настоящий антиквариат, XIX век, лакированное дерево, шесть гонгов, Вестминстерский перезвон, – мерно отщелкивали минуту за минутой.

Раймундо прищурился, покачав сигарой в сторону неразумного родича.

– Работай, как я учил тебя много лет, и перестанем ссориться. Когда меня не станет, сможешь сам решать, в каком направлении развивать «Gruppo Aggiornamento». Но я вижу, насколько ты еще юн и горяч, и рад, что этот день наступит не скоро...

Сигара, как и любая вещь в обиходе хозяина кабинета, тоже была не из дешевых. Не кубинская или никарагуанская, ограниченный запас которых Раймундо оставил на крупные праздники и банкеты, но бразильская риго, редкая и богатая вкусом.

Глотая ароматный горячий дым, старший Гамба внимательно разглядывал племянника.

Белоснежная личина, скрывавшая левую половину лица молодого человека, почти не позволяла прочесть обуревающие того эмоции. Но все, что прятала маска, старый зубр читал

на языке тела. Заметил, как напряглись плечи Витторио, как чуть сдвинулась под стул левая нога, как сжались пальцы правой руки.

По всему выходило, что малыш задумывает совершить непростительную ошибку, которую дон Раймундо совершенно не собирался ему позволять...

Крупный седовласый мужчина во главе стола неспешно затянулся сигарой, выжидая и не двигаясь. С правой стены на верхолаза и его юного родственника величественно взирали портреты тех, кто вознес семейную фирму на вершину экономического процветания, в прямом смысле слова обратив мусор в деньги и власть...

Витторио Гамба, искоса поглядывая на дядю через край фарфоровой полумаски, неспешно поднялся на ноги. Бедром отодвинул стул, заставил себя повернуться всем телом, и Раймундо увидел на его лице улыбку. Напряженную, вымученную, непростую.

Мысленно помолившись Мадонне о спасении рассудка и души своего непутевого племянника, старый, но еще крепкий медведь во главе длинного стола ждал развязки. Разговор, состоявшийся в стенах кабинета в миновавшую четверть часа, действительно был непрост. Но терять голову из-за временных трудностей на пути личного бизнеса могут только глупцы и дети...

– Прости меня за дерзость, дядюшка, – почти искренне произнес младший Гамба, виновато опуская голову. Неосознанно, полным задумчивости жестом задвинул стул на положенное место. Коротко шагнул вперед. – Я всегда любил и искренне уважал тебя, ты хорошо знаешь это. Как знал и мой отец, завидовавший нашей близости...

Витторио приблизился еще немного, протягивая Раймундо руку. Крепкую руку молодого бойца, обезображенную напалстером и оттого укутанную в великолепнейшую тончайшую кожу алых перчаток.

– Именно ты открыл мне глаза, указал верную дорогу. – Мужчина в красном деловом костюме пожал плечами с видом одумавшегося задиры. – Спорить с тобой глупо и совсем не делает мне чести. Прошу прощения...

Девять стульев, разделявших родственников, остались в прошлом. Теперь их разделяло лишь шесть. Затем пять. Покачивая головой, Витторио Гамба тяжело вздохнул и развел руки.

– Я сделаю все, как ты велишь, дядюшка Раймундо.

Когда мальчишка приблизился еще на два стула, глава совета директоров корпорации «Gruppo Aggioramento» неторопливо отложил бразильскую сигару на специальную подложку. А затем опустил правую руку в выдвинутый ящик стола.

Его толстые пальцы, которые многие сравнивали с сардельками, а немногие несчастные – со щупальцами осьминога, – сомкнулись на рукоятке пистолета. Не новомодного «дыродела», какими завален рынок – на дорогом антикварном «кольте-1911» с позолотой на рукояти из слоновой кости. Как обычно, пистолет был взведен и снят с предохранителя.

– Стой, где стоишь, мой мальчик, – негромко и как можно мягче попросил Раймундо, заметив, как дернулась бровь племянника, не скрытая сверкающим фарфором. – Я принимаю твою благодарность и извинения. Но больше не делай ни шага. У меня тяжелая форма новой разновидности гриппа, знаешь ли.

Он даже позволил себе чуть заметно кашлянуть, а вот от улыбки сдержался. Пистолет в его огромной ладони казался крохотным и живым, пульсируя в предвкушении возможной схватки.

– Что?.. – пробормотал Витторио, словно не поверив ушам.

– Я просто забочусь о твоём здоровье, глупый мальчишка. – Могучий верхолаз, которому уже не первый год пророчили скорую смерть от неумного чревоугодия и сердечных хворей, ласково улыбнулся племяннику. – А теперь ступай. Еще раз спасибо, что уважил старика визитом. Возвращайся к защите корпоративных интересов. Когда я снова увижу твоё рвение, бонусы будут возвращены. Обещаю...

Теперь к окаменевшим плечам родственника добавилась напряженная поясница, будто вспылчивого мальчишку затянули в тугой корсет.

– Всего доброго, дядюшка, – предельно вежливо, но все же сквозь зубы произнес он, разворачиваясь на каблуках. – Спасибо за новый урок...

Звонко выстукивая по кабинетному паркету – настоящий дуб, конец XX века, – Витторио Гамба, любимейший из родственников Раймундо и самый перспективный из руководителей его корпорации, вышел за дверь, аккуратно притворив створки.

Проводив его взглядом и дождавшись, пока щелкнет задвижка, старик отпустил рукоять старинного пистолета. Чуть задвинул ящик стола, оставив щель, в которую способна проскользнуть ладонь, причем даже его немалых размеров. Сунул в мясистые губы тлеющую сигару, сделал несколько глубоких затяжек. Активировал встроенные в столешницу сенсорные экраны, которые пришлось погасить в момент визита.

Руководство корпорацией требовало внимания.

Постоянного внимания. Неусыпного, настороженного, словно у охотящейся рыси. А еще – таланта принимать решения, мгновенно просчитав последствия. И умения идти на риск. Переступить через трупы врагов. Разоблачать предателей. Срывать покушения. Предвидеть взлеты и падения рынков. Действовать на опережение и никогда не спать.

Всю свою жизнь Раймундо Гамба до колик в животе смеялся над теми, кто считал жизнь верхолазов легкой и безмятежной. И люто ненавидел нищелюбов за лживые стереотипы, дешевую мифологию масс и искаженные завистью взгляды.

Как смеют они, презренные черви цивилизации, ничтожный плебс, считать, что богатство и власть даются легко?! Как могут полагать, что полученные от родителей богатства так просто удержать, преумножить и не растратить? С чего берут, что управление многотонной машиной корпорации дается легче, чем ежедневная работа офисного клерка?

Зависть – вот главный двигатель ненависти к верхолазам. Элементарная зависть, гнойными язвами покрывшая человеческие души со времен Каина и Авеля. И вместо того, чтобы работать над собой, пробиваться вверх, ломая лед недоверия, обмана и корысти, они лишь стонут под «иглом», мечтая избавить мир от сильных людей. Точнее, мечтая самим занять опустевшие троны, и даже не догадываясь, какая участь ждет их в новой роли...

Презирая нацеленную на него и ему подобных ненависть, Раймундо Гамба был готов до последнего вздоха драться за свое место под солнцем. За место, которое его родня много лет занимала в мировой экономике наперекор всему. Занимала, наперво вычистив для себя и потомков собственными руками, ободранными до кровавых мозолей. Он будет драться, и никакие Катаклизмы не изменят существующего положения дел.

Пыхтя сигарой, словно допотопный паровоз, старик оторвал взгляд от таблиц, графиков и аналитических отчетов, задумчиво уставившись на портреты основателей. С невероятно детализированных картин, украшавших стену кабинета, на него смотрели оба деда, отец, дядя и родной брат. Давно почившие люди, начинавшие бизнес с сортировки мусора, узревшие в приближающихся Нефтяных Войнах начало новой жизни и вовремя закатавшие рукава...

Когда мир нежданно разглядел дно всех разведанных месторождений черного золота, источником дохода их будущей корпорации стал именно мусор. Старательно отсортированный, разложенный на типы и виды и перепродаваемый уже существующим промышленным гигантам за баснословные деньги.

Пластмасса, резина, полимеры, битумы, синтетические масла и ряд кислот – производства этих и других материалов стали резко загибаться с ростом кризиса и началом Нефтяных Войн. И тогда свою руку помощи воротилам промышленности протянули фирмы, аналогичные совсем небольшой еще «Aggiornamento Ltd», контролировавшей каждую четвертую свалку бытовых отходов в Исламском Союзе.

Бережливость, повторная переработка и отсутствие брезгливости для сортировки отходов жизнедеятельности человека стали главнейшими принципами фирмы, за какие-то десять лет открывшей свои представительства в крупнейших Анклавах мира. Целью стали Россия, Центральная Африка и Южная Америка, в достатке получавшие игрушки цивилизации, но испокон веков безалаберно относившиеся к их утилизации.

При этом добиться впечатляющих результатов, по мнению Раймундо, его семейству позволили два качества. Первое – врожденная дальновидность. Второе – планомерный расчет, основанный на фактах, а не на бредовых иллюзиях и фантастических прожектах.

В Ассоциацию Поставщиков Биоресурсов «GA», к тому времени ставшая могучей корпорацией, вступила значительно позже, уже при отце самого Раймундо. Финансовые потоки, державшие гиганта на плаву, позволяли обеспечить высочайший уровень безопасности и оградить от ненужного внимания таких структур, как Европол или ФБР. Щедрые отчисления другим участникам бизнеса позволили получить хорошую репутацию и грамотно войти на рынок.

А затем новое дело начало приносить доход, причем немалый, намного превысивший поступления от переработки мусора, строительства энергозаправок или мелких подрядов на разработку фортификационных укреплений вокруг Анклавов...

Сейчас, когда треснувший по швам мир кое-как пытался эти прорехи заштопать, бизнес корпорации вновь пришлось диверсифицировать. На смену торговле органами пришла торговля рабами, использованием которых не брезговали ни Анклавы, ни государства.

Безусловно, владение дешевой рабочей силой из стран третьего мира официально именовалось совершенно иначе, но сути это не меняло. Тысячи людей отправлялись в каменоломни, условия труда в которых не отличались от средневековых.

Они восстанавливали АЭС, расчищали зараженные города, демонтировали военные объекты. Шили одежду, подметали улицы, ручными помпами откачивали из канализации дерьмо и подыхали от жары на сталелитейных заводах. Старейший Гамба был убежден, что именно работоторговля станет главным козырем Краеугольного Камня, когда придет время открыто объявить войну филиалам албанцев, рисоедов и Якудза...

Раймундо фыркнул, выпустив над столом длинную струю сигарного дыма. «Мир уже не испытывает нужды в Ассоциации», – с пафосом заявил его родственник с белой маской на обезображенном лице. Какая глупость! Инфантильный слепец, не отрывающий взгляда от звезд и забывший смотреть под ноги!

Гамба вздохнул, постаравшись успокоиться и не давать нервам лишней нагрузки. Виновный лишь в несдержанности, Витторио, конечно же, не мог знать о сговоре бывших менеджеров Ассоциации. О новом зарождающемся синдикате, получившем условное название Краеугольный Камень, вообще знали считанные люди на планете.

Впрочем, это ненадолго.

Гамба и его собраты уже подписали пакт об объединении четырех крупных корпораций, и совсем скоро им предстоит официально объявить о себе на криминальном рынке такого же количества континентов. Что тогда скажет Витторио, узнав, сколько сил положил его дядя, введя группу «Возрождение» в один из углов – Камня?!

А затем, вернув былую мощь и восстановив силы, они возвратятся к прежнему делу. Всем сердцем: усталым, больным, но еще крепким, старший Гамба верил – когда цивилизация снова окрепнет, спрос на настоящие, способные стопроцентно прижиться органы снова пойдет вверх. И тогда на рынке останутся лишь те, кто верил в Камень и реинкарнацию бизнеса. В его *aggiornamento*, если угодно...

Пробежавшись толстыми пальцами по сенсорным панелям перед собой, Раймундо выключил мониторы, тяжело отодвигаясь от стола вместе с массивным креслом. Оно было величественным, больше напоминавшим скромный трон, но вращалось необычайно легко, позволяя в мгновение ока развернуться к посетителю высокой пуленепробиваемой спинкой.

Недавний разговор с племянником никак не шел из головы, так же, как его попытка сорвать злость на главе совета директоров. Интересно, что щенок хотел сделать? Задушить дядюшку? Выдохнуть в лицо яд из ампулы под зубом? Нанести удар отточенным краем фарфоровой наномаски?

Откинувшись на удобную ортопедическую спинку, грузный морщинистый старик продолжал курить, задумчиво глядя в высокий потолок кабинета.

Витторио еще слишком юн и самонадеян, несмотря на возраст и немалые успехи на семейном поприще. Он горяч и излишне резок, не способен вдумчиво оценить перспективы и горизонты.

Это может привести к ошибкам.

Сначала – личным.

Затем – на ниве управления бизнесом.

Словно мальчишка времен русского Гагарина, он грезит звездами и иными мирами. Мечты о полетах в далекий космос и колонизации чужих миров отвлекают его от насущных дел, мешают сосредоточиться, узреть истинную цель их все еще крепкой корпорации.

Не позволить Витторио наделать ошибок, подготовить к работе топ-менеджера в Краеугольном Камне, подтолкнуть парня в нужное русло – вот задачи старого дона Гамбы. Непростые задачи, требующие терпения, деликатности, такта и упорства.

Но он обязательно научит молодого гордеца быть таким же непоколебимым и дальновидным, как сам Раймундо. Заставит впитать его знания и хватку, как вудуистские шаманы всасывают души поверженных противников. Вдохнет в обезображенные ожогами губы, словно горький сигарный дым.

К тому времени, когда Раймундо отправится на личную аудиенцию с Господом, под Луной останется тот, кто в точности скопирует своего наставника. Витторио такая задача по силам, в этом не было сомнений. Именно это поразительное сходство старик разглядел в парнишке еще при жизни его отца, сейчас тоже взирающего на своего брата с высокого портрета в деревянной раме.

Таким будет дар Раймундо Гамбы возрождающемуся миру, таким его и запомнят...

Но пока штурвал в руках верхолаза, он вовсе не собирается делиться им с кем бы то ни было, а потому вынужден быть жестким. Пусть даже с одним из немногих людей на планете, которых по-настоящему любит.

Не имея возможности завести собственных детей – не помогли сотни лучших врачей мира, сломавших над проблемой тысячи копий, – он любил Витторио, как родного сына. Но если родной сын тянет руку в кастрюлю с кипятком, его нужно шлепнуть по пальцам...

Сделав еще одну затяжку, старый Гамба затушил сигару в выдвижной пепельнице на краю стола. Тяжело поднялся, разминая массивную шею, хрустнул коленями. Неспешно прошелся по кабинету, рассматривая опускающийся на небоскребы Рима сентябрьский вечер. Через пуленепробиваемые витражные стеклопакеты проникали разноцветные лучи, погружая кабинет небожителя в приятный глазу полумрак.

Конечно, племянник продолжит собственные разработки.

Личных средств у него хватает, чего только стоит своевременная покупка малой толики акций «Наукома», в то время едва приступившего к строительству Станции. И это не упоминая о неофициальных, исключительно подковерных заигрываниях с москвичами, в которые его целеустремленный родич уже после Дня Станции вступил на правах представителя крупного криминального синдиката. Потому нужно полагать, что Витторио никогда не распустит группу «12 месяцев», не согласится остановить изучение своей драгоценной «плащаницы».

Более того, сейчас он с новыми силами бросится дорабатывать лекарство, заставит учеников работать круглые сутки и сотнями изводить подопытный материал. Но добьется своего в

рекордные сроки. И это тоже часть закалки, часть воспитания духа, не сгибаемого никакими обстоятельствами...

Раймундо остановился за стулом, на котором совсем недавно сидел племянник. Поправил его, выравнивая относительно остальных.

Он не мог напрямую управлять личными делами будущего наследника, указывая, как эффективнее распорядиться скорым открытием вакцины. Волшебной драгоценной вакцины, способной защищать организм от смертельного прикосновения радиации. Вмешательство в бизнес Витторио привело бы к конфликту, расколу корпорации, лишней стрельбе и падению колосса.

Но старик взаправду хотел помочь мальчишке, причем так, чтобы не оскорбить его самолюбия. Сделать так, чтобы юный Гамба воспринял случившееся как дар судьбы. Как собственную прозорливость и умение в нужный момент выйти в свет софитов.

«Плацинту» необходимо придержать.

Как долго, покажет время. Но оно определенно не будет лишним, пока карманные ученые племянника не завершат последние испытания...

Но придержать. Потому что совсем скоро ее основным покупателем станет не тот, кто жаждет обрушить ядерное возмездие на Станцию «Наукома». И даже не амбициозный правитель Республики Сибирь, беззастенчиво воруемый разработки племянника и ведущий собственные изыскания. Покупателем вакцины, пусть даже недолговечной или грозящей побочными эффектами, станет весь мир!

Число аварий на объектах атомной энергетики росло с каждым кварталом. Взрывались реакторы АЭС, хранилища отходов. Взрывались танкеры, частные атомоходы и даже армейские суда, как, например, недавно вспыхнувший ракетный крейсер «Иstanbul», считавшийся пропавшим со дня Катаклизма.

Случайными или преднамеренными были эти аварии, Раймундо Гамбу не интересовало. Его, прагматичного финансиста и стратега, интересовал лишь спрос, неизменно обязанный рвануться вверх, едва сетевые аналитики держав и Анклавов вспомнят о пробном аукционе, проведенном Витторио в первом полугодии.

И тогда он снова приблизит племянника, раскрыв глаза на дальновидную политику «совета директоров». А затем вакцина станет козырем, позволив возвыситься над другими членами Камня и занять главенствующее положение в обновленной Ассоциации.

И все же за мальчишкой – а Раймундо предпочитал воспринимать родственника именно в такой возрастной категории, – стоит присматривать. Потому что лишенные мечтаний и оскорбленные идеалисты имеют обыкновение сбегать из дома. И вообще выкидывать подобные коленца просто назло родне...

Вернувшись на командный пост, Гамба с едва слышным стоном опустился в кресло, извлекая из толщи столешницы панель внутреннего коммуникатора.

– Госпожу Хамасаки ко мне, – прочистив горло, распорядился он невидимому секретарю.

Ослабил ворот шелкового галстука, сверился с часами и выпил прописанное врачом лекарство – мини-бар с рядом изящных полулитровых капсул «Акваберга» и бутылкой первоклассной граппы находился на один ящик ниже хранилища с пистолетом. Запивал прямо из стеклянного горлышка, до дна опустошив флакон, стоимость которого превышала дневную зарплату многих жителей планеты.

Секретарь отчиталась, что вызванная госпожа Хамасаки ожидает в приемной.

– Впустить, – ответил Раймундо коммуникатору, поднимаясь из кресла и готовясь к приему.

В числе людей, которых старейший Гамба любил или хотя бы симпатизировал таковым, азиатка занимала далеко не первое место. И даже не десятое. А вот среди персон, которым верхолаз доверял, за годы службы поднялась куда выше многих...

Двери в длинный кабинет распахнулись, когда через них легкой, пружинящей походкой вошла глава службы корпоративной безопасности, невысокая, но мускулистая Риоко Хамасаки, которую корпоративные предпочитали именовать коротким и емким прозвищем Лава.

Сегодня Риоко была одета в обтягивающие брюки из черного синтовела, серую форменную блузу, необычайно подходившую ее фигуре, и темно-синий пиджак. Как обычно, за узким поясом-кушаком виднелись очертания пистолетной кобуры.

Несмотря на близость пятидесятилетия, госпожа Хамасаки выглядела на тридцать. И это при том, что предпочитала поддерживать форму исключительно спортивными нагрузками и участием в силовых операциях, а не скальпелями пластиков и подкожными инъекциями...

Остановилась у дверей, церемониально низко кланяясь главе корпорации. Тот, выражая уважение, поклонился в ответ, хоть и значительно мельче. Церемонии, уходившие корнями в дремучие дебри исторического прошлого японки, иногда утомляли, но именно на них строилось доверие, которым была облечена Лава.

– Гамба-сятёу, Риоко Хамасаки явилась по вашему приказу, – отрывисто выдохнула она на итало-арабском, сквозь который пробивался лающий акцент выходца Страны восходящего солнца.

– Рад видеть тебя, Риоко-кун, – искренне улыбнулся верхолаз, специальным суффиксом переводя беседу в неформальное русло. – Присядешь? Воды? Кофе?

– Спасибо, господин! – вежливо улыбнулась женщина в ответ, оставшись на прежнем месте. – Вы очень великодушны.

– Ну, как знаешь... – Стараясь не кричать, тяжелый седовласый старик опустился на прежнее место. – Как там мой племянник?

– Двадцать минут назад господин Витторио Гамба покинул здание в охраняемом кортеже. Направляется во Фьюмичино, заказан чартер. Пункт назначения неизвестен. Мне уточнить, Гамба-сан?

– Нет-нет, не утруждай себя... У юного Витторио должны оставаться секреты, пусть и не так много, как ему бы хотелось. Хотя бы до рассвета... – Раймундо прихлопнул ладонью по гладкой столешнице из искусственного бука, переходя к сути разговора: – Об этом я и хотел с тобой переговорить, Риоко.

– Да, господин.

– Начиная с завтрашнего дня, – старательно подбирал слова верхолаз, поглядывая в предвечернее небо за окном, – я хочу знать о том, чем увлечен мой племянник... чуть более подробно, чем обычно. Выдели людей из службы коммуникационной безопасности. Надежных. Пусть мягко, без лишнего давления, прощупают все подконтрольные Витторио фирмы. Попробуют отследить финансовые потоки, для начала легальные. Возьми под контроль его доверенных лиц, но опять же не привлекая внимания. А еще ежедневно изучай сеть на предмет появления слухов о новых медицинских препаратах, способных вызвать иммунитет к лучевой болезни.

Он бездумно подвигал по столу пустой граненый флакон из-под элитной питьевой воды. Наклонил, на просвет изучая сверкающие капли на дне.

– Можешь считать, Риоко-кун, что с завтрашнего дня мой племянник нуждается в опеке. О которой, как ты понимаешь, он не должен узнать.

– Будет исполнено, Гамба-сан, – с поклоном ответила Лава, тряхнув короткой челкой. – Опека без привлечения внимания. Первый доклад я предоставлю завтра вечером.

Раймундо улыбнулся, пытаясь увидеть в миндалевидных глазах Хамасаки хотя бы уголек того пожара, что полыхал вчера ночью. Не нашел – каждое утро переступая порог корпоративной крепости «Gruppo Aggiornamento», японка словно перевоплощалась, из умелой любовницы трансформируясь в боевую машину, способную лишь исполнять приказы. О чем

бы ни судачили высокопоставленные каперы, связь со своим сятёу японка не выдала ни разу. Ни единой эмоцией, ни намеком. За всю многолетнюю службу...

– Подготовь машину через полтора часа, – напоследок распорядился верхолаз, грозовой тучей нависая над торцом длинного стола. – Я хочу отправиться домой к девяти. Ты будешь лично сопровождать меня.

И когда Лава покорно поклонилась, он позволил себе едва заметную хищную усмешку.

Сегодня вечером, предварительно выпив пару волшебных пилюль, он собьёт с Риоко Хамасаки деловой лоск и сдержанность, заставив молить о пощаде на ее диком, пугающем родном языке.

Бинарный код 100

Любой человек в поисках духовной опоры должен объективно и предельно четко понимать, чем инструменты достижения этой цели отличаются от ее сути.

Потерпевший крушение на необитаемом острове захочет согреть тело. Но ведь для достижения этой простой цели он не станет сам превращаться в огонь, поджигая волосы и кожу? Пользуясь кресалом, он сможет запалить дрова, оставшись согретым и живым. С помощью камня или палки сумеет сбить фрукт с дерева, не превращаясь в банан самому. Чтобы напиться, ему вовсе не обязательно тонуть в озере, сливаясь с водой.

Тепло и еда – конечные цели человека. Кресало и орудия труда – его инструменты.

Но за удовлетворением базовых потребностей и борьбой за выживание есть еще кое-что. И это – вера. В то, что на горизонте рано или поздно появится судно. В пролетающий над островом вертолет. В заброшенную армейскую станцию связи, откуда можно подать сигнал. И, так уж повелось в ходе тысячелетий – согревшись и утолив голод и жажду, человек станет молиться, чтобы приблизить чудесный миг...

О вере и сверхпотребностях души мы поговорим чуть ниже, пока же вернемся к кресалу и «раллеру». Надеюсь, мои метафоры понятны и легки. Пользуясь всемирной сетью и компьютером, можно в мгновение ока свернуть неподъемные массивы информации. Можно получить полный доступ к банку памяти человечества, миллионам энциклопедий и справочников, можно стать всезнающим и очень умным. Но попытка самому превратиться в компьютер обречена на провал. Глупцов, возжелавших сродниться с пламенем, во все времена ждала жестокая участь заживо сгоревшей плоти.

Да, собратья. В моем представлении огниво и компьютер равны.

Это лишь бранные вещи. Физические объекты. Полноправные компоненты системы нашего общего материального мира, частью которого является любой из читающих эти строки. Пользоваться вещами и с их помощью упрочнять свое место в озвученном мире – вот удел человека. Если же мы хотим полнейшего симбиоза с микросхемой, нам предстоит искать иной путь, нежели предложенный Сорок Два.

«Шепот цифровых идолов», глава 3

Обглоданные Инцидентом Анклавы напоминали Энkvисту брошенное отливом побережье. На склизких холодных камнях – только пена и океанский мусор, вонючие водоросли и невесомый плавник, насквозь изъеденный солью.

С Анклавами все было точно так же.

Только вместо глубоководных растений на прибрежной полосе после Дня Станции остались доживать свой век толпы тусклых, лишенных инициативы и надежды людишек. Вместо раздутых рыбьих тушек – человеческие трупы, старательно подчищаемые санитарными службами, но столь же регулярно появляющиеся на улицах с наступлением утра. Вместо мусорных куч – закрытые магазины, лавки и развлекательные заведения, большей частью разграбленные или наглухо замурованные. В них еще было чем поживиться, и этим не забывали пользоваться уличные банды, продолжавшие пробовать власть СБА на зубок...

Несмотря на неприглядную картину, рисуемую воображением Хуго, он любил Анклавы в любых их ипостасях. Они уже почти двадцать лет были его стихией, его кислородом и его

небесами, где свобода – не просто термин, навязываемый государственными СМИ. Главное, знать правила, лазейки и грамотно оценивать возможности.

Выйдя на широкий многоуровневый бульвар Дажене, Энkvист с удовольствием втянул запахи Верхнего Монреала. Вдохнул гниль помоек, перебиваемую ароматами еды из уличных кухонь и дешевых забегаловок. Нагретый сентябрьским солнцем металл и бетон, резкий смрад въевшейся в штукатурку речной тины, дух немытых тел и давно не стиранной одежды местных жителей.

Он знал правила и объективно оценивал свои возможности, наполнив каждый шаг аурой силы и безапелляционной ответной жестокостью. А потому косившиеся на незнакомца обитатели нижних уровней уже через пару секунд отводили глаза, даже не помышляя о дурном.

Когда-то бульвар был многолюден и забит машинами. Сотни... нет, даже тысячи мобильных проносились по нему в разные стороны, грациозно скользя по шестиполосной проезжей части и наполняя воздух шуршанием шин. Сегодня все движение ограничивалось велосипедами, впряженными в магазинные тележки пешеходами да редким броневиком СБА, заезжавшим в Фабрвиль собирать мзду с мелких уголовников.

Причиной затхлости района была, как и в яркой метафоре шведа, именно вода. Беспощадная во все времена и окончательно спятившая четыре августа назад. Две с половиной сотни метров горы Мон Руаяль хоть и спасли Анклав от разрушения, позволив избежать участи Сингапура, но совсем от наводнения не уберегли.

Поглотив улицы, вода не один день властвовала среди многоэтажек, поднявшись до уровня десятых-двенадцатых этажей. Затем рукавам Оттавы и реки Святого Лаврентия надоело буйствовать, и волны ретировались, усыпав асфальт пухнувшими трупами и выметенным из квартир хламом. Ретировались, тем не менее оставив на стенах и мостовых опорах памятные отметины, хорошо различимые со второго и третьего уровней магистрали.

С тех пор перекрашенный стихией Фабрвиль расслоился окончательно.

На его дне стали селиться беглецы от закона, потерявшие жилье и работу, выброшенные с корпоративных заводов работяги, тритоны и прочая шваль. С каждым днем пополняя свои ряды и столь же рьяно прорежая их вечерними поножовщинами, они превратились в настоящую армию чернорабочих, восстанавливающих Монреаль.

Корпорации, в большинстве своем побрезговавшие вывозить из небезопасных территорий попорченное наводнением оборудование, с таким ходом вещей смирились, поставив на северо-западных секторах Анклава клеймо гетто, подобного родине Жицкого в Старой Варшаве. Каждое утро они присылали в Фабрвиль колонну грузовиков под прикрытием бронетехники СБА, набирая батальоны поденщиков, дешевых и зачастую одноразовых. Ответной милостью небожителей были нищенские зарплаты и пищевые пайки, раз в двое суток бесплатно раздаваемые толпе. Потому что если дойный скот не кормить, он просто вымрет...

Хуго неспешно вышагивал по краю проспекта, посматривая на часы в уголке глазного наноэкрана, и любовался обступившими Дажене высотками. В большинстве своем лишившиеся окон, те пялились на людей сотнями темных оконных провалов, то здесь, то там затянутых полупрозрачной пленкой или заколоченных листами фанеры.

Жилье тут не стоило ничего. Совершенно.

Пропахшие рекой квартиры пустовали, и любой желающий мог заполучить личные апартаменты, если не боялся провонять сам. И если, конечно же, изучил правила, позволяющие не попасть под скальпель торговца органами, вовремя укрыться от рейда безов или избежать наркоманской западни в подворотне. Вообще, несмотря на неприглядность, этому району Анклава повезло больше иных «внутренних» островов, вроде Бизара или Перро, по улицам которых вот уже четыре года разгуливали раки...

Отмахнувшись от зазывалы, Энkvист обогнул ржавый фургон грузового мобиля, давно лишившегося колес и установленного на стопки кирпичей. В нем торговали жареной рыбой на

вертелах, улыбочиво и навязчиво предлагая натуральную, но дешевую жратву всем встречным. О том, сколько радионуклидов содержит добыча, здесь предпочитали не думать...

Светловолосый чужак в легкой куртке с капюшоном миновал водоноса, о чем-то спорящего со старьевщиком на грузовом трехколесном велосипеде. Там, где живут люди, появляется и своя инфраструктура. Именно поэтому, когда несколько лет назад Фабрвиль начал активно заселяться, на его пропахших водорослями улочках стали зреть дешевые рюмочные, притоны, публичные дома и лавки торговцев едой. Хуго не знал, в зону влияния какого бандитского клана входит населенное поденщиками гетто, но был уверен, что в этом вопросе криминал и СБА наверняка достигли компромисса.

Завершив обход, Энквист вернулся в переулок, откуда был расчищен лаз к необжитому подъезду. Осмотрелся напоследок, юркнул за бетонную плиту, практически замуровавшую вход в дом. Если бы не имплантаты Бакли, для проникновения в многоэтажку пришлось бы использовать подъемный кран...

Прислушавшись к крысиному пisku – единственному источнику звука на всей лестничной площадке, – Хуго поднялся на второй этаж. Осмотрелся. Занимая наблюдательный пункт, и он сам, и ирландец немало натоптали в скопившейся пыли, но свежих посторонних следов видно не было. Встав сбоку от квартирной двери, Энквист негромко позвал Гордона по имени.

Послышался звук отодвигаемого импровизированного засова.

Затем дверь застонала, подалась назад и отодвинулась в сторону. Давно сбитую с петель мародерами, Бакли просто прислонял ее к дверной коробке изнутри, припирая увесистой тумбой. Хуго просочился в образовавшуюся щель, и здоровяк задвинул створку на место.

– Новости? – осведомился Энквист.

– Бригелла на месте, клиента нет, – отрапортовал Гордон, баррикадируя дверь. Несмотря на жару – пусть и менее утомительную, чем в Тегеране, – здоровяк был затянута в пуленепробиваемую майку и разгрузочный жилет. – Назанин на позиции. Пока все спокойно.

– Отлично. – Хуго деловито кивнул, подходя к пустому оконному проему и выглядывая в него так, чтобы не быть замеченным снаружи. – На улицах тихо, ничего подозрительного.

– Вот и славно, – пробасил ирландец, усаживаясь на шаткий табурет и придвигаясь к аппаратуре. – Люблю, когда по плану...

Да, они все любили разработанные командиром сценарии.

Некоторые лидеры влекут харизмой. Несгибаемым духом, сбивающей с ног энергетикой, заразной решимостью и верой в победу. Иные притягивают последователей удачливостью, невероятность которой можно объяснить лишь мистикой. Звериным чутьем, наплева-тельством на собственную шкуру и скоростью напора.

Но есть и те, кто берет ответственность за жизни других людей, опираясь исключительно на глубину расчета и старательное планирование. На стратегию, от успешности которой зависит не только исход затеянного, но и сохранность и благополучие подчиненных.

За одиннадцать лет совместной работы на известную корпорацию люди Энквиста имели возможность убедиться, что их командир принадлежит к третьему классу лидеров. Хуго не был рыцарем, возглавляющим таранный удар клина. Не был и кабинетным червем, отсиживающимся за сотни миль от мест проведения миссий. Но его умение тщательно вымерить риски, на которые идет группа, в глазах остальных делали шведа едва ли не провидцем.

И пусть идеальных планов не бывает даже в мифах, а характер работы людей Энквиста предполагал и многочисленные ранения, и возможную смерть – что пять лет назад подтвердила нелепая гибель Артура Севастьянова, – в чистый разум своего вожака «горностаи» верили безоговорочно.

Хуго же, анализируя новое задание, платил ответной заботой, стараясь в любом деле опираться на комбинации минимального риска. И всегда ставил единственное условие – если

хозяин хотел лобового штурма поставленных задач, он нанимал рядовых «пушечных» dd, чья организация снова поднимала голову по всему миру...

Портативный компьютер и усилитель сигнала стояли на грязном, лишившемся двух ножек столике, для устойчивости опертом на подоконник. Там же разместились термос, «дыродел» Бакли, а также черная пластина коммуникатора.

Швед обошел стол, заглядывая в экран.

Изображение передавалось с уровня груди, сейчас почти целиком занимаемое барной стойкой. Чуть правее виднелась кружка с мутным, будто песчаная взвесь, пивом. Несмотря на ужасающий вид напитка, Бригелла выцедил больше половины, при этом Энквист догадывался, что сия порция не была первой. Специальные железы, имплантированные Кодо почти девять лет назад, позволяли по приказу «балалайки» сжечь весь излишний этанол в организме за считанные секунды. Потому самурай бесстрашно пил любую бурду, честно вживаясь в положенный образ. Ему же подчиняясь, старался не сорить деньгами, заказывая лишь самое дешевое пойло...

Хуго удовлетворенно кивнул, отдавая молчаливую дань тонкостям перевоплощения Шигеру и его искусству общения с кабацкой публикой. Сконцентрировался на часах.

Клиент задерживался на три минуты. Вероятнее всего, проверял подступы, выискивая подвох.

Блондин подошел к окну, украдкой выглянул.

Так и есть. Перед баром «Добрая привычка» на противоположной стороне улицы от их с Бакли наблюдательного поста крутился мужчина. Высокий, плечистый. Одет он был в просторную цветастую рубашу, под которой легко прячется ручное оружие, и в шорты. По его выправке с первого взгляда становилось заметно, что за спиной у клиента армия или военная служба на верхолазов, но это Энквист знал и из досье.

Докуривая, бывший вояка вдумчиво изучал темные окна многоэтажки напротив, барахольные лавки на первых этажах, торговые палатки вдоль улицы и группки бездельников, сегодня оставшихся без найма.

Энвер Алия, когда-то работавший в СБА Монреаля, был выходцем из Великой Албании, и его колоритная внешность резко выделялась на фоне низкорослых местных. Бывшего беза в районе хорошо знали, о чем свидетельствовал круг отчуждения, образовавшийся перед входом в бар.

Не усмотрев ничего подозрительного, Алия вошел в «Привычку», заставив картинку на экране компьютера дернуться. Бригелла, заметив нового посетителя, отлепился от стойки, направившись навстречу. Над барной стойкой вспышкой мелькнуло яркое объявление, написанное от руки на сером куске картона.

«Горностай» развернулся довольно резко, едва поймав плакат в объектив, но Энквист все же успел зацепиться за вывеску взглядом, прочитав: «Доставим на Станцию. Оформляем документы, гарантируем прохождение медицинского осмотра и билет на колонизационное судно. Недорого, гарантированно, конфиденциально». Ниже был накорябан номер коммуникатора, по которому – швед был в этом уверен – стабильно звонили, причем едва ли не ежедневно...

– Мистер Алия? – Крохотные динамики воспроизвели голос Кодо. – Добрый день. Спасибо, что уделили мне время.

Через экран протянулась рука Шигеру, мужчины обменялись рукопожатием. Съемка велась через пуговицу-передатчик на рубашке, самым примитивным и устаревшим способом, в последние годы обретавшим новую волну популярности.

– Рад быть полезен. – У Энвера оказался хриплый, чуть рокочущий голос.

Осмотревшись, экс-без указал на пустующий столик в дальнем углу зала. Место было выбрано довольно грамотно – спиной к стене, поближе к черному ходу, подальше от ростовых витрин бара. Шигеру, забрав со стойки недопитую кружку, покорно направился следом.

Пока усаживались, изображение на экране скакало. Воспользовавшись этой кратковременной заминкой, за аппаратуру опустился Энквист, уступив Гордону пост у окна. От внимательного шведа не укрылось, что первым жест доброй воли проделал именно албанец – демонстративно вынул «балалайку», выкладывая на стол. Кодо повторил процедуру.

Какое-то время мужчины общались о погоде. О ценах на питьевую воду, что росли в любом Анклаве мира, о частых продовольственных бунтах и недопустимости поблажек для обезумевшей швали. Заказав огромный стакан ледяного сока, Энвер определенно дожидался, пока принимавший заказ бармен – водянисто-ожиревший поднебесник с черными ниточками усов вокруг рта – оставит их в покое.

– Итак?

Взгляд бывшего бега был направлен выше камеры. Он смотрел Шигеру в лицо, пытаясь высмотреть на нем неискренность, коварство или иной подвох.

– Мистер Алия. – Без предисловий, что соответствовало плану, перешел к делу «персонаж» Бригеллы, выкладывая на исцарапанный стол прямоугольник визитной карточки. – Как я и сообщал в прошлом разговоре, мне выпала честь представлять в Монреале частное оборонное агентство «Горностаи». Возможно, вы слышали о нас в сети?

Энвер отрицательно покачал головой.

Однако, почти уткнувшийся носом в экран, Хуго рассмотрел в глазах албанца проблеск понимания. Без всегда остается безом, даже никудышный, отставной и занявшийся сомнительным бизнесом. Было очевидно – Алия наводил справки.

– Тогда я просто обязан упомянуть, что мы держимся в топ-10 самых профессиональных и эффективных структур планеты, – продолжал бесхитростно расхваливать «Горностаи» Кодо, прихлебывая дерьмовое пиво. – Частных, разумеется. В сферу нашей деятельности входит оказание консультационных услуг государственным институтам, решившимся на реорганизацию полиции или национальной гвардии. Также наши услуги предполагают отладку систем информационной безопасности, строительство оборонительных сооружений и обучение личного состава. Иногда, за отдельную плату, мы усиливаем местные части поддержания правопорядка собственными силовыми подразделениями. Как вы можете понять, «горностаи» не являются dark dogs в прямом смысле этого слова, однако...

– Я осведомлен о деятельности частных оборонных агентств. – Движением открытой ладони прервал его Энвер, почти перестав мигать. – Добрая половина безов мира вступила в такие конторы. Подобные предложения в свое время поступали и мне. Я отказался. Чего хотите вы?

– Мистер Алия! – Бригелла доброжелательно улыбнулся. – В наши планы вовсе не входило привлекать вас в «Горностаи» на постоянную службу. Однако ваши навыки бега все еще могут сослужить нашей фирме добрую службу.

Лесть угодила в цель.

Во времена до Дня Станции сидящий перед Шигеру мужчина был одной из самых мелких сошек, когда-либо работавших в структуре Моратти. Шестеркой, живым мясом, тупорылым боевиком, все способности которого заключались в умении выполнять приказы, охранять, сопровождать, драться и стрелять. Однако пиетет, с которым представитель заокеанского «Горностаи» обращался к экс-безу, заставлял того почувствовать себя как минимум начальником оперативного отдела.

– Я уже несколько лет не работаю на монреальскую СБА, мистер Кодо, – подчеркнуто сухо ответил албанец, делая большой глоток сока, но не отводя взгляда. – Сейчас у меня личный бизнес... иного рода.

– О, в беспокойных реалиях современного мира важна каждая крупинка знаний, спасенная из горнила Инцидента, – как ни в чем не бывало заверил его Бригелла, доверительно понижая голос. – Вы, конечно, знаете, что действующим сотрудникам службы безопасности Анкла-

вов запрещено оказывать услуги личного характера? Оттого находка свободного специалиста вашего уровня – большая удача!

Замолчав, Шигеру с сожалением заглянул в опустевшую кружку. Понуро сунулся в бумажник, неохотно выуживая мятую купюру, подозвал жирного бармена.

Далеко не впервые он с успехом играл роль второсортного менеджера, посланного боссами агентства для вербовки нового консультанта. Вербовщика, результаты работы которого никак не сказываются на доходах. Маленького человека, любую командировку рассматривавшего как шанс накачаться местным самогоном и посетить пару экзотических борделей.

– Однако я уверен, что ваши знания, накопленные во время службы в СБА, принесут нам обоюдную выгоду! – Китаец выставил перед объективом полную кружку с тончайшим слоем пены, и Кодо радостно потер ладони. Затем виновато спохватился, возвращаясь к разговору: – Мы щедро платим наемным специалистам за проведение мастер-классов и ускоренных курсов обучения, мистер Алиа! Очень щедро!

Глаза беза вспыхнули, однако на его мясистом лице Энквист все еще читал недоверие. Заговорив почти шепотом, Шигеру озвучил условия работы и сумму. Албанец скрыл удивление за глотком сока.

А уже в следующее мгновение Хуго понял, что просчитался – жадность и тщеславие Энвера Алиа были действительно безграничны. Однако врожденная осторожность все же имела над ними тотальный контроль.

– Кто ты такой? – спокойно осведомился бывший без, отставляя стакан и расстегивая рубаху, под которой вправду обнаружился вороненый «дыродел» в наплечной кобуре. – И что тебе на самом деле от меня нужно? Если тебя послал Гвоздодер, то...

Бригелла ухватил перемену настроения собеседника моментально, командиру группы даже не пришлось выходить с подчиненным на связь. Выпрямившись и сиюминутно избавляясь от образа понурого выпивохи-менеджера, он предупредительно и аккуратно покачал указательным пальцем правой руки.

– Не нужно делать глупостей, мистер Алиа. – Лицедей говорил тихо и проникновенно, в этом искусстве опережая самого Энквиста. – Пусть не все, сказанное мной до этой минуты, было правдой, но я действительно нуждаюсь в ваших услугах. Вы получите треть от суммы, озвученной ранее.

Гордон шагнул к двери квартиры-убежища, но Хуго решительно помотал головой, не отрываясь от трансляции. Один на один Бригелла был способен постоять за себя не только против вооруженного пистолетом беза...

– И чего же ты хочешь? – Тот прищурился.

Наметанным взглядом осмотрел посетителей бара, выискивая среди них потенциальных союзников «вербовщика».

– Информация, – все тем же вкрадчивым тоном ответил Кодо. – За которую вам будет щедро заплачено. После чего мы расстанемся навеки, а о нашем разговоре никто не узнает.

– Вот как? – Убедившись, что остальные выпивохи не имеют к менеджеру «Горноста» никакого отношения, Энвер осмелел. – Заманчиво. Настолько же, как снести твою башку и преспокойно убраться восвояси... Убежден, что завсегда и «Привычки» охотно подтвердят безам, что я оборонялся.

– Искренне не советую.

Кодо держал руки на столе перед собой, совершенно ровно, неподвижно, и даже не сделал попытки отстраниться, когда бывший без потянулся к оружию. Вероятно, так вели себя достойнейшие самураи древности, неустрашимые ни перед врагом, ни перед ритуальным самоубийством.

– Я предлагаю честную сделку, – произнес Бригелла, сопроводив сказанное коротким кивком. – Если же вы хотите темнить, мистер Алиа, то и мне придется прибегнуть к тузу в рукаве.

Поерзав, Энвер сглотнул комок, и Хуго разглядел блестящую струйку пота, сбежавшую по шее албанца. Спокойствие собеседника всегда внушает «шестеркам» страх. И плевать, если должность вооруженного раба осталась в прошлом – дрянные инстинкты живут вечно. Спокойным, полным уверенности голосом может говорить только хозяин положения, любой пес с рождения носит эту информацию в своем генном коде...

Если сейчас Алиа начнет пальбу, то лишь по одной причине – теперь он откровенно боялся Кодо. Однако Энквист был уверен, что его человек не намерен перегибать палку.

– Что за туз? – прошипел албанец, с раздражением зыркнув на прошедшего мимо шарообразного китайца с грязной посудой в руках.

– Ваш бизнес, мистер Алиа. Ваш маленький и не совсем чистый бизнес по продаже детских органов в престижные больницы Старого Сити.

– Ха! – Энвер победно оскалился, предвкушая, что наивный «вербовщик» почти загнан в тупик. – Думаешь, в местной СБА не знают? Полагал, у меня не осталось старых друзей-безов, с которыми не жалко поделиться?

– Конечно, не жалко, мистер Алиа, – послушно согласился Шигеру, снова склонив голову так, что на дисплее у командира мелькнул гладко выбритый подбородок. – Но ваши «друзья» будут неприятно удивлены, узнав истинные объемы поставок и сравнив их с отчисляемым процентом.

Мужчина в кадре побледнел, но к пистолету тянуться перестал.

Обмяк, как-то разом постарев. Ополовинил запотевший стакан, к которому почти не притронулся во время разговора. Вынул из нагрудного кармана сигаретную пачку, отнюдь не с первой попытки выцарапав из нее бледно-желтую палочку без фильтра.

– Да кто ты такой? – с презрением, за которым прятался страх, повторил он.

Вместо ответа Бригелла указательным пальцем придавил к столу визитную карточку, передвигая ее собеседнику. И Хуго был готов сделать ставку, что пронзительный взгляд «вербовщика» сейчас накрепко ухватил клиента за самую душу.

– Мне точно заплатят, если я поделюсь информацией? – сдался Энвер, так безжалостно прикусив кончик сигареты, что на грудь посыпались табачные крошки.

Шигеру Кодо не шелохнулся, считая лишним тратить слова или жесты на подтверждение очевидного.

– Черт с вами... Что вы хотите знать?

Энквист облегченно выдохнул.

Вопрос, только что слетевший с губ албанца, означал полную победу в переговорах.

Конечно, иногда опытный дипломат использует такую уловку, чтобы заманить оппонента в ловушку и затуманить рассудок, но Алиа на опытного дипломата не походил. Он походил на того, кем всю жизнь и являлся, – на мелкого бандита, живодера и отморозка, которому Хуго был бы рад собственноручно выпустить кишки. Безусловно, если бы это входило в задачи миссии...

Словно позволяя командиру насладиться моментом перелома, Кодо не спешил задавать новые вопросы. Аккуратно, будто взведенную бомбу, отодвинул в сторону недопитое пиво. Чуть подался вперед, услужливо протягивая зажигалку.

– Я хочу, чтобы вы вспомнили свою работу на СБА, мистер Алиа. Четыре года назад, незадолго до Инцидента. – Щелчок, над пальцами Бригеллы пляшет подвижный язычок пламени. – Хочу, чтобы вспомнили территорию района Кот-Де-Перрон, где тритоны Сорок Два содержали несколько подпольных лаб. Ваше подразделение было приписано именно к этому участку Анклава, вспоминаете?

Нахмурившись, Энвер скосил глаза, прикуривая недоверчиво, будто от подожженной тротиловой шашки. Сбросил пепел на пол, повертел в пальцах выключенную «балалайку», легко постучал ею по столешнице.

Он и правда вспоминал, хоть и с очевидной неохотой, эту информацию Энквисту выдавала мимика албанца. Через какое-то время тот пожал плечами, кивком подтверждая сказанное Бригеллой. На корпоративной службе Энвер Алиа не отличался ни сообразительностью, ни карьерным рвением, и сейчас по его лицу было заметно, что мысленный экскурс в прошлое не принес радости.

– Было такое, ага... – Он застегнул рубашку, с подозрением покосившись на неохватного бармена, в очередной раз прошедшего мимо их стола в подсобные помещения. – Весной перед Инцидентом вообще много чудного творилось, за всем углядеть не успевали...

– СБА присматривало за лабами Сорок Два, и вам это известно лучше, чем мне, мистер Алиа, – подкорректировал направление его мыслей Шигеру. – Вы догадывались о том, какая работа ведется в подпольных цехах, но намеренно не трогали нейкистов. Может, самое большее, пощипывали по взяткам, я прав?

О том, что бывшая неприкосновенность тритонов – распоряжение самого президента Николаса Моратти, бывшей безовской «шестерке» знать было совсем не обязательно. Равно как и о тотальном контроле, который шеф СБА пытался установить над организацией кровожадного Пророка, пока все не стало слишком плохо.

Об истинном положении вещей вообще были проинформированы предельно немногие, и откуда Человек В Маске раздобыл такого рода сведения, взрывоопасные, как чистый нитроглицерин, Энквист мог только гадать... Впрочем – меньше знаешь, крепче сон. Это правило работало уже не первое тысячелетие, вне зависимости от того, кинжалом человек творил свои злодеяния или разогнанным «раллером».

Как бы то ни было, расчет Хуго оказался верен.

Несколько лет назад безы всех Анклавов мира, пусть даже не посвященные в тонкости политических интриг, опекали подпольные точки по производству «поплавок». Вероятнее всего, в число «крышуемых» электролаб попадали и те, на которых работали Сабад аль-Тани и его коллеги по проекту «Кромлех». Оставалось взять за жабры одного из безов, уже не скованного узами договоров о неразглашении и прочих протоколов. Затем найти подход, точку приложения сил, и вот уже Энвер Алиа что-то сбивчиво рассказывает Бригелле, не поднимая глаз.

– Ничего особенного мы не делали, – продолжил албанец, уронив на пол столбик пепла. – Не подпускали к бритоголовым поднебесников, вычищали с окрестных улиц заблудшую шваль. А главное, не лезли на территорию лаб сами. Приказы не обсуждаются, мистер Кодо, ты в курсе.

– А ты в курсе, что собирали граверы?

– Откуда? Говорю же, мы держали публику на отдалении, но и сами носа не совали.

Казалось, заданная Шигеру тема несколько расслабила кучерявого.

Вероятно, он опасался, что «вербовщик» «Горностая» примется копать в его самом грязном белье или потребует сдать кого-то из коллег, перепачкавших руки, но все еще способных этими руками удушить. А тот неожиданно взялся задавать самые безобидные вопросы, выпрашивая даже не про самого Алию, а про его нудную работу – патрулирование улиц. Ну, прикрывали безы несколько подпольных лаб, дальше-то что? Сейчас до подобной ерунды вообще никому дела нет!

– Точно знаю: все, что было собрано в Кот-Де-Перроне, почти сразу покидало пределы Анклава, – невольно потеряв осторожность, поделился Энвер, туша сигарету о торец столешницы. – Парни из Нового Порто, вот кто перехватывал прикрытие над нейкистами, когда те заканчивали новую партию. Уходило все, если верить слухам, в Европу.

Удовлетворенный Хуго шепотом распорядился завершать переговоры. Миниатюрный передатчик в правом ухе Кодо доставил приказ по назначению, и тот вынул из кармана штанов коммуникатор.

– А теперь, мистер Алиа, последняя просьба. – Бригелла включил навигационную программу, протягивая комм собеседнику. – Отметьте на карте Анклава места, где располагались патронируемые вами электролабы и другие цеха. После этого я исчезну из вашей жизни, а деньги будут переведены на любой из указанных счетов.

Албанец открыл было рот, чтобы продиктовать номер счета, но выражение лица Шигеру Кодо дало понять экс-безу, что «вербовщику» давно известна не только банковская история мистера Алиа, но и многое-многое другое. Поджав губы, Энвер обнажил стилус, принявшись пометать маркерами карту района Кот-Де-Перрон, развернутую на сенсорном экране.

– Что там находится сейчас? – задал еще один вопрос Кодо, наблюдая за россыпью отметок.

– Да ничего, – хмуро ответил носатый, не отрываясь от рисования. – Пустые районы, почти все на консервации. Говорят, верхолазы насмотрелись на Фабрвиль, за считанные месяцы заселившийся отребьем. Чтобы не допустить такого же на производственных территориях, специальные людишки распускают слухи, что в лабах Кот-Де-Перрона собирали реакторы для европейских АЭС. А еще, что там находились секретные заводы Мутабор. Этого хватает, желающих проверять нет... Думаю, когда местные боссы подкопят жирка, заводы будут восстановлены.

Он вернул коммуникатор Бригелле.

Тот приподнял его так, чтобы экран попадал в объектив скрытой камеры, и сидящий через дорогу от «Привычки» Энквист насчитал девять маркеров. Кучно, но много. Швед недовольно вздохнул, побарабанив пальцами по краю стола.

– А теперь мы расстанемся, мистер Алиа. – Шигеру отодвинулся на стуле, забирая свою «балалайку» и вставляя ее в затылок. – Настоятельно рекомендую вам выпить еще сока, причем не спеша.

Он встал, нависая над бывшим безом и позволяя Хуго рассмотреть того сверху вниз.

– Когда вернетесь в районы с действующей сетью, – негромко продолжал Бригелла, – сможете убедиться, что деньги перечислены. Излишне напоминать, что об этом разговоре не должен знать никто, в особенности – ваши бывшие коллеги. С этого дня рекомендую помнить, что на случай вашей болтливости у нас припасен козырь в виде полного банка данных некой «черной» бухгалтерии. Любопытные цифры, надо заметить...

И не успел албанец что-либо ответить липовому вербовщику частного оборонного агентства, как тот вышел из «Доброй привычки», умудрившись не хлопнуть старой разболтанной дверью.

Через дорогу от бара, в заброшенной квартире на втором этаже многоступенчатого жилого дома, Энквист и Бакли быстро, но без суеты, сворачивали оборудование. Затем здоровяк разблокировал вход, и мужчины бесшумно спустились по рассыпающейся на куски лестнице. Через лаз между стеной подъезда и упавшей с крыши бетонной плитой выбрались в переулок. После чего Гордон навалился на глыбу, с натугой придвигая ее на прежнее место.

Хуго взглянул на часы. Шигеру наверняка уже находился в точке выхода, даже если учесть страховочные петляния по району. Улыбкой чествуя безупречно сработавший план, швед удобнее забросил сумку с усилителем сигнала на плечо и беззаботно зашагал на восток, к выездам из Фабрвиля...

Бригелла, как и предполагалось, уже добрался до фургона, оставленного на самых границах корпоративных территорий, где функционировала сеть. Лицедей хотел подремать, дожидаясь остальных членов группы в раскаленном нутре мобиля, но даже не успел толком умо-

ститься на пластиковой лавке вдоль борта. Назанин, слушая музыку и обмахиваясь бумажным веером, полулежала на откинутах водительском сиденье.

Осмотрев оживленную улицу цепким взглядом, первым в темно-синюю машину командир пропустил Гордона. Нырнул следом, закрывая боковую дверь, расчехлил компьютер.

– Как прошло? – лениво поинтересовалась девушка, хотя результат операции ей, конечно, уже был известен.

– Хорошо. – Скупость Энkvиста была вызвана его задумчивой сосредоточенностью. – Кодо, ты связался с Неврозом?

– Так точно, босс. – Бригелла сделал большой плоток воды из пластиковой бутылки. Протянул Хуго, но тот помотал головой, и питье перекечало в лапу Бакли. – Уверен, что наш умник уже заканчивает анализ и вот-вот сбросит готовые данные...

Кодо пророчествовал. Вернее, слишком хорошо знал отрядного машиниста, чтобы угадать, как скоро Жицкий справится с поставленной задачей. Через минуту на зашифрованный коммуникатор Энkvиста пришло подробное досье на все девять объектов, обозначенных албанцем.

Подключив коммуникатор к компьютеру, швед развернул экран так, чтобы было видно всем. Внимания к припаркованному мобилу могли не опасаться, все документы были оформлены официально. Да и вообще СБА к деятельности частных консультантов относилась с брезгливым презрением, предпочитая не замечать и ни во что не ставить.

Скучковавшись за спиной Хуго, группа принялась читать подготовленные Неврозом данные. Три объекта, чего можно было ожидать, оказались расположены на корпоративных территориях с ограниченным доступом. Это означало высокие заборы с «колючкой» поверху, глухие дворы замкнутых в глухой периметр зданий, бетонные стены и блокпосты. То есть даже сейчас, когда инфраструктуры Анклавов едва начинали восстанавливаться, проникнуть туда без спецдоступа было невозможно. Точнее, очень сложно.

Еще два объекта, отмеченные Алией, перестали существовать в День Станции. На месте одного из них уже возводили новый промышленный блок в двадцать этажей ростом. Второй до сих пор лежал в руинах, дожидаясь своего часа.

Анализ оставшихся маркеров показал, что до Инцидента бывшие электролабы прятались в подвалах корпоративных производственных центров, сейчас в равной степени пустующих. Набросав примерный маршрут изучения всех четырех целей, Даниэль сообщал, что ждет группу на съемной квартире для разработки дальнейшего плана.

Однако Хуго не спешил возвращаться в дом на окраине эль-Рапида.

Судя по прощальному взгляду Энkvера Алии, тот хорошо понимал, за какую именно часть тела его прихватили наглецы из «Горностая». Но противник, особенно слабый и трусливый, горазд выделывать фортеля, не укладывающиеся в логику разумного воина. И если албанец взбрыкнет, то через день – когда Хуго и его люди пойдут исследовать цеха гравиров – их может ждать засада.

Не факт, что это будет сама СБА. Но стаю обдолбанных отморожков Алиа нанять вполне мог. Просто для того, чтобы снова почувствовать себя крутым мужиком, не терпящим давления...

– Осмотрим цеха сегодня, – негромко объявил Энkvист, потирая подбородок. – Шигеру, свяжись с Даниэлем, пусть собирается. Подберем его через четверть часа и двинем вот сюда. – Палец командира уперся в карту на экране. – Затем так и вот так. Если сработаем быстро, организованного сопротивления можно не ожидать.

Бакли догадался, что последняя фраза предназначалась ему – так швед намекал, что они не станут заезжать за тяжелой артиллерией. Впрочем, для организации уличного побоища хватило бы и хранящегося в фургоне арсенала...

Шигеру забрал у шефа коммуникатор, вызвал машиниста. Назанин, вернувшись за руль и подняв спинку сиденья, завела мотор. Мобиль покатил на восток, где группа во время текущей операции снимала недорогое, но качественное и легальное жилье.

Когда Фарахани подъезжала к нужной высоте, эффектно впившейся в склон эль-Рапида среди себе подобных, машинист уже ждал на улице. Мелко переминался с ноги на ногу, грызя ногти и стараясь как можно глубже натянуть капюшон. В людных местах боец Цифры чувствовал себя не очень комфортно, открытым пространствам предпочитая тесные помещения. А потому запрыгнул в машину, едва Гордон приоткрыл ему дверь.

Невроз уселся напротив Хуго, зажавшись между Шигеру и ирландцем. С сомнением покосился на две компактные «дрели», ход затворов и общее состояние которых проверяли коллеги. Вынул «раллер», установил на коленях, открыл.

– Район контролируется системой камер наблюдения, – отчитался машинист, куснув кончик пальца. – Войти в сеть Анклава лихим наскоком я, конечно, не смогу. Но глухануть камеры при въезде в нужный район вполне реально.

– Этого будет достаточно, – кивнул Энквист. – Что по анализу?

– Вероятность встречи с патрулем СБА составляет 6,5 %, – охотноотреагировал Жицкий. Изучить экосистему Кот-Де-Перрона он успел еще до встречи с албанцем. – Высок риск столкновения с мелкими группами трофейщиков, но, судя по имеющимся данным, они не представляют серьезной угрозы. В трехстах метрах от объекта № 3 ведется монтаж ветряков, так что машину предлагаю оставить на подходах. Въезд в район рекомендую отсюда...

– Спасибо, Даниэль, скорректируй маршрут для Назанин.

Хуго закурил, задумчиво уставившись в качающийся пол фургона. Доступ оставался открыт в 57 % уцелевших лаб, указанных Алией. Неплохие шансы хоть что-то обнаружить, но и не самые великолепные.

Какова вероятность, что группа найдет в одной из мастерских новую зацепку за прошлое «Кромлеха»? Один к четырем, 25 %? Такие шансы объективны, если в исходных данных уравнения заложено, что в одной из четырех шкатулок действительно хранится конфетка. Если же лабы подчищены...

Не спеша унывать, особенные надежды швед возлагал на запечатанные цеха, пережившие нашествие мародеров. Если же Фортуна будет окончательно немилосердна, ему предстоит разработать план проникновения на корпоративные территории, чтобы проверить три оставшиеся точки...

Первая лаба оказалась пуста, как вылизанная кошкой миска. Вошли по отработанной схеме, совершенно не представляя, чего ожидать внизу. Вооруженные «дрелями» Бакли и Кодо наступали, Хуго прикрывал, замыкала Фарахани. Черная блестящая ткань бронежилетов, по приказу Энквиста надетых всеми членами отряда, в свете ручных эспандерных фонарей мерцала полированным обсидианом.

Проверив все шесть помещений подвальной лабы и не обнаружив посторонних, собрались в главном зале, скрестив лучи на полу. Темные своды давили на головы, облепивший мрак казался плотным и враждебным. Озвучивать очевидное не спешил никто, все было ясно без слов.

Электролабу вывезли, причем подчистую, забрав даже мебель, провода, распределительные щитки и осветительные приборы. Если же что-то оставалось, после Дня Станции этим поживились жители Анклава – массивная дверь, ведущая в производственный бункер, была гостеприимно распахнута так давно, что ее петли намертво проржавели.

С тех пор в подвале кто-то селился, об этом свидетельствовали лежаки в одной из комнат. При этом вряд ли надолго – отсутствие окон и низкие своды подстегивали как можно скорее убраться наружу.

Опустившись на корточки, Энkvист изучил многочисленные источники питания, когда-то дававшие жизнь установленным повсюду приборам. Прошелся вдоль усеянных дюбелями стен, на которых до эвакуации висели доски для объявлений, заметок и наглядных графиков работы.

Со всех сторон рассмотрел крепежи мощных многоваттных светильников, четыре года назад топивших лабу в ярком свете. Ощупал дверные коробки, в которых были смонтированы герметичные шлюзы для продувки одежды граверов воздушными струями.

Особое внимание Хуго уделит стационарным верстакам вероятного сборочного цеха, когда-то стерильным и покрытым антистатической пленкой, а сейчас запыленным и усыпанным бетонными обломками с треснувшего потолка.

Его охватило уныние, но демонстрировать его своим людям командир вовсе не соби-рался. Окончательно убедившись, что цех «Кромлеха» принесет его расследованию не больше пользы, чем любой другой подвал Анклава, швед отдал приказ возвращаться в машину...

Снова покатили по району.

В отличие от Фабрвиля, своим жизненным ритмом напоминавшего буйный коралловый риф, где все тянется друг к другу, с равной охотой даря пропитание и смерть, атмосфера Кот-Де-Перрона наводила на мысли о глубоководном океанском дне. Дне, склизкие обитатели которого торопятся убраться под камень, едва их заметили.

Только темно-синий мобиль выворачивал на новый уровень бетонных дорог, похожих на спутанный моток проволоки, во все щели и переулки устремлялись неприглядного вида личности, группками по пять-шесть человек наводнявшие район.

Впрочем, людный пятак они все же обнаружили – на одном из перекрестков обитателям Анклава как раз дарили еду. Ничего особенного, всего лишь недорогие брикеты питательной массы со вкусами рыбы и мяса. Замаску серого цвета со вкусом рыбы и мяса для тех, кто давным-давно забыл их настоящий вкус.

С грузовика СБА, окруженного толпой, двое молодых безов раздавали пачки, считывая данные «таблеток» или «балалаек» на ручной сканер. С бронированного мобиля поддержки за кормежкой наблюдал суровый седоусый пулеметчик.

Фарахани сбросила скорость, позволяя сидящим в фургоне рассмотреть акцию поддержки населения, после Инцидента ставшую традиционной. Знак доброй воли верхолазов, владеющих фабриками по производству пищевых концентратов. Обезжая столпотворение, Наза рассматривала толпу, в эту секунду живущую криками, попытками перекупить клейкую массу, получить больше одного брикета в одни руки, замыслами отобрать или украсть. Безы взирали на происходящее бесстрастно, выполняя свою работу с монотонностью автоматов.

Вот кому-то удалось вырвать желанный кусок из чужих пальцев, и Хуго заметил, как обтянутая спортивной курткой спина вора исчезла в соседнем переулке. Закричала женщина. Громко, надрывно, призывая на помощь служащих СБА, но никто, даже седоусый, не удостоил ее взглядом. В таких кварталах, как этот, всегда воруют и отнимают, а вмешиваться во все потасовки у безов элементарно не хватает людей. И патронов.

Женщина продолжала голосить.

С ребенком на руках, она все плакала и плакала, и казалось, это будет длиться вечно. Вслед за ней заревел мальчик на руках. Лет четырех, наверное, таким полагалась половина дозы. Толпа, то ли от безразличности, то ли от чувства вины, плавно расступилась вокруг обворованной мамы. Толпа старалась не смотреть, не видеть, не замечать. Люди продолжали жадно хватать положенный рацион и убегать, пока с ними тоже не приключилось что-то дурное.

А затем к маме с ребенком на руках подошел мужчина.

Неказистый на вид – в другой момент Энkvист предположил бы, что он тоже хочет ограбить женщину или ударить, лишь бы заткнулась. Но вместо этого тот сунул зареванной мамаше

свой паек. Едва надкушенный и снова завернутый в пищевую фольгу. Мягкий брикет шпатлевки серого цвета. Затем развернулся и пошел прочь, сунув руки в карманы и ссутулившись.

Женщина, не в силах поверить, смотрела ему вслед. Затем всхлипнула, пряча еду в нагрудной сумке, поудобнее перехватила сына и зашагала в другую сторону. Она еще долго оборачивалась на неказистого, будто не веря тому, что только что произошло...

Стараясь не встречаться взглядом с седоусым пулеметчиком, швед отвернулся, внезапно ощутив к сутулому мужичонке неожиданный прилив уважения. О каких еще чудесах могут молить богов люди, когда в их привычном и реальном мире случается *такое*? Когда, пусть и редко, настоящие чудеса происходят совсем рядом, только обернись...

Фургон выбрался на открытый участок магистрали, двинувшись дальше.

Когда транспорт достиг второго объекта, Энквист распорядился, чтобы вместе с машинистом в мобиле осталась вооруженная «дыроделом» Фарахани. Учитывая пустоту подвалов и трусливость местных обитателей, серьезного сопротивления внизу мужчины встретить не могли. А вот одинокий социопат, запертый в машине вместе с дорожным «раллером», легко мог стать добычей гиен и шакалов Монреаля...

Новая лаба отличалась от предыдущей видом, но отнюдь не содержанием. Первое, что удивило спустившихся по бетонному пандусу бойцов, это входная дверь. Точнее, ее отсутствие на положенном месте. Получив удар невероятной силы и прихватив с собой армированные куски стены, несколько лет назад дверная коробка выпала наружу, где и покоилась до сих пор.

Сначала Энквист решил, что виной всему стало землетрясение. Но вскоре узрел истинную причину.

Данное прибежище тритонов не эвакуировали – его элементарно выжгли, заминировав оборудование и расставив по углам емкости с напалстером. Злая липкая дрянь уничтожила все, оставив вместо навороченных и баснословно дорогих станков по сборке «железа» обугленные комки и стойкую вонь.

Хрустя сплавившимся бетоном, после пожара больше напоминавшим грунт пустыни Мохаве, Хуго прошелся по пропахшим гарью помещениям. Удрученно покачал головой, подсветив лучом фонаря наглухо запаянные взрывом вентиляционные короба. Почти полное отсутствие тяги не позволило помещениям проветриться даже за несколько лет, а потому внутри было очень трудно дышать.

Еще раз торопливо обойдя цеха и не обнаружив ни единого уцелевшего клочка, швед махнул на выход...

Третья лаба оказалась очень похожей на первую.

«Горностаев» встретили пустые помещения, изредка посещаемые бомжами, пыль и отсутствие окон. Однако часть мебели хозяева цехов вывозить не стали, а потому в дальней комнате громоздились переломанные столы и шкафы, помаленьку пускаемые местными жителями на растопку костров.

Там же искателей ждала первая находка. Не самая уникальная и обнадеживающая, но все же – на фоне подчистую выпотрошенных цехов – невероятно ценная. Коробка с транспортными накладными обнаружилась на одном из верстаков, задвинутая глубоко под обломок покосившейся стены. Использовать листы тонкого пластика на растопку было не очень эффективно, так же, как подтираться ими, а потому пачка накладных избежала лишнего внимания подземных жителей.

Энквист сунул коробку под мышку, но даже беглое изучение документов говорило, что ничего интересного находка выяснит не позволит...

Когда мужчины покидали бывшую граверную мастерскую, слева и вверху, куда плавным виражом уводил бетонный пандус для спуска мобилей, раздался шорох. Бойцы тут же рассредоточились, вскидывая оружие. Но определить, крыса ли подкрадывалась к дверям или человек, так и не смогли.

Выждав, все трое вернулись к машине, устало падая на лавки вдоль бортов.

Теперь Хуго уже не мог скрывать разочарования. Закурив, он перебрался на переднее пассажирское сиденье, лишь бы его удрученного вида не заметили остальные члены отряда. Даниэль, мельком пробежавшись по найденным бумагам, лишь пожал плечами.

– Все это – списки деталей для сборки «раллеров», шеф... Документы на поставки микросхем из Сингапура и Гонконга. Запасные части на граверное оборудование, сварочные иглы и линзы для лазеров... Вот целый пакет на проектор трехмерного моделирования. Возможно, более детально изучив все это, я смогу выявить некую закономерность, но многого ждать не советую...

Благодарно, но устало кивнув машинисту, Энквист приказал девушке заводить машину. Вечерело, а последняя из точек, когда-то «крышуемых» Энвером Алией и его поделщиками из СБА, оставалась непроверенной.

Четвертый цех был расположен на самой северной окраине района, в свое время основательно подмытой одним из разлившихся речных ответвлений. Слева от дороги, по которой прикатил фургон, виднелись легионы пакгаузов, до сих пор наполовину затопленные и брошенные безвозвратно.

Справа возвышались приземистые десятиэтажные здания, в которых до Инцидента корпорации держали предприятия по производству промышленной химии и пищевых продуктов. На одном из таких строений албанец и оставил маркер, который предстояло проверить.

Назанин заглушила мотор, внимательно осматривая пустынные переулки.

Вдали на подступившем к району побережье виднелись две крохотные фигурки и лодка, на борт которой трофейщики поднимали со дна уцелевшее барахло, продаваемое затем на «блошиных» рынках окраин. Заметив мобиль, фигурки юркнули куда-то в глубь уцелевших складов. Ни патрулями СБА, ни системой камер брошенные кварталы не контролировались. Сеть, как и предполагалось, здесь тоже почти не ловилась.

– Будьте начеку, – приказал Хуго, выпрыгивая из фургона на потрескавшийся асфальт проезжей части.

Жицкий, уткнувшись в найденные бумаги, не отреагировал на слова шефа, и лишь девушка понимающе кивнула. Здесь, на самой периферии Анклава, в считанных километрах от внешней стены, исправный мобиль сам по себе являлся богатой добычей для особо рьяных и бесстрашных уголовников.

Трое мужчин пересекли пустырь, приближаясь к жестяным транспортным воротам, ведущим в глубину промышленного здания. Рифленый лист рольставни был промят таранным ударом, отчего по его краям остались проходы, куда вполне мог протиснуться человек. Накачав новый заряд в фонари, Энквист и его люди вошли внутрь.

Темно, сыро, повсюду крысиный писк.

Под ногами обломки мебели, деформированные колеса грузовых электрокаров, мусор и кучки наметаемой сквозняком пыли. С потолка капает, затхлый воздух разгрузочной платформы будит воспоминания о гнилых водорослях и запутавшихся в них утопленниках...

Стараясь ступать бесшумно и расстегнув пистолетные кобуры, «горностаи» двинулись вперед, держа друг друга в поле зрения. Самый беглый осмотр давал понять, что бездомные никогда не селились в инспектируемых постройках, даже на ночлег не вставляли. Может быть, действовали слухи о наследии страшной корпорации Мутабор, может быть – байки о радиации. Какой бы ни была причина, портативные дозиметры, с недавнего времени входившие в перечень обязательного снаряжения группы, не показывали ничего страшного.

Спуск к лабе обнаружился в закутке справа от общего зала, когда-то служившего небольшим логистическим терминалом.

Хуго воочию представил себе, как получившие взятку начальники складских бригад отворачиваются, когда рано утром новая смена сверкающих лысынами тритонов проходит

сквозь ворота, направляясь в секретную мастерскую. Их наверняка прикрывают вооруженные люди, на всех инаковерующих взирая с презрением и скрытым пониманием скорого будущего планеты. Граверы и их охрана спускаются по бетонной лестнице на четыре пролета вниз, останавливаются перед дверью...

– Это интересно, – первым озвучил общие мысли ирландец, водя лучом по совершенно не тронутой временем и вандалами створке. – Это очень интересно...

Энквист был склонен согласиться, но смолчал.

Поставив фонарь на треснувший пластиковый ящик так, чтобы тот освещал запорный механизм, он внимательно изучил пульт доступа, не веря глазам.

Да, много пыли. Да, ни пультом, ни дверью не пользовались уже несколько лет. Но электроника выглядела исправной, как на входе в резервное бомбоубежище, давно забытое создателями. Швед провел пальцами вокруг коробки, убеждаясь, что ведущий в лабу квадратный люк был установлен значительно позже строительства самого здания. И весьма грубо.

Значит, Алия не обманул и в этот раз – отряд находился перед мастерской граверов. Мастерской, которую кто-то старательно укрепил перед тем, как начать использование...

– Вызывай Невроза, – бросил блондин Кодо, продолжая осматривать дверь.

Бригелла коротко кивнул. Поднялся на пару лестничных пролетов, чтобы дать сигналу большую мощь, и поднес к губам браслет радиопередатчика, связавшись с фургоном снаружи.

– А ведь и впрямь похоже на бомбоубежище, – негромко пророкотал Бакли, жужжа эспандером фонаря. – Я такое видел в детстве в подземельях Данганнона, где мы черенками дурь курили.

Здоровяк опять перепутал город, в котором родился, но Энквист не был настроен поддерживать игру, погруженный в собственные мысли. Тяжело и с легкой обидой вздохнув, ирландец отступил в угол, качая на руках казавшуюся игрушечной «дрель».

Машинист, чертыхаясь на каждом шагу и чихая еще чаще, появился через минуту. Шел медленно, выбирая направление в неверном полумраке. Шигеру снова поднялся повыше, подсветив Даниэлю дорогу.

– Займись, – распорядился Хуго, указав машинисту на дверь, едва тот спустился. – Выглядит целой.

– Так и есть, – еще не до конца распутав шнур психопривода, согласился Жицкий, с прищуром осматривая цель. – Подсвети-ка вот сюда... ага, спасибо. Так и есть! «Нокс» четвертой модели, дорогая игрушка. Такую обычно ставят... ставили на корпоративных заводах, ограничивая доступ между цехами. Автономная система питания, вход по электронному коду в «балалайке», вот сканер. Полная герметичность, сигнализация на взлом, трехступенчатая защита...

– Сможешь открыть?

– Отчего бы не рискнуть?

Даниэль сдвинул панель, несколько раз с силой дунув на запыленные разъемы. Эхо его дыхания ударило в потолок, паутиной осело на волосах. Загнанному в каменный мешок Энквисту было не по себе, но он не позволял эмоциям возобладать над разумом.

Сигнализация, сказал Жицкий. На двери установлена сигнализация... Уцелел ли на этой планете хоть кто-то, способный перехватить ее тревожный сигнал?

Подключившись к электронному замку, машинист на какое-то время ушел в себя. Несколько секунд смотрел в пустоту, что-то вычитывая на глазном наноэкране, а затем застукал по клавишам «раллера», который держал на сгибе локтя. Губы его шевелились, словно паренек тихонечко болтал с призраками, на лбу змеились морщины, левый глаз заметно дергался.

– Готово, – объявил он, поворачиваясь к командиру. – Система стандартная, фабричная. Видимо, обитавшие здесь граверы не рассчитывали на ее физический взлом. «Нокс» был установлен против силового вмешательства в их личную жизнь...

– Тревога?

– Ничего подобного, – решительно замотал бритой головой поляк. – Попасться на взломе такой безделушки мог бы только юнец!

Он притопил еще несколько клавиш «раллера», после чего торопливо выдернул психопровод и отступил за спину Гордона. Внутри двери щелкнуло, натужно зашипело, затем загудели батареи Ллейтона.

– Лишь бы хватило заряда, – прошептал машинист, выглядывая из-за здоровяка.

– Внимание! – Хуго вернулся к лестнице. – Помните, что одна из четырех электролаб была заминирована, и мы не знаем, при каких обстоятельствах сработали заряды.

На всякий случай обнажив «Корд», он пытался просчитать вероятность того, что после отступления тритоны накачали помещение газом или расставили иные ловушки. Риски выходили минимальными – когда четыре года назад в Анклаве плясали все здания от коттеджей до небоскребов, подготовленные капканы были просто обязаны сами себя обезвредить. И все же на душе оставалось беспокойно, а своему чутью швед доверял...

Услышав, что вход может оказаться заминированным, Невроз судорожно втянул пыльный воздух и бросил полный мольбы взгляд наверх, к спасительной лестнице. Закрыл «раллер», чтобы не мешал бегству, сунул в нагрудный карман комбинезона.

Какое-то время входная система боролась сама с собой, силясь потратить иссякший заряд батарей на открытие засовов. Затем гудение стало ровным, щелчки более звонкими, и «горностаи» услышали, как внутрь створки втянулись железные спицы, блокировавшие квадрат в стене.

Бакли, не дожидаясь приказа, подскочил к двери, потянув на себя.

С оглушительным скрипом та поддалась, открывая проход в лабораторию граверов. Как выяснилось, она состояла из двух огромных залов и коридора, образуя букву Н. Вход располагался в левом нижнем углу «буквы», и оттуда был виден открытый шлюз в другую часть мастерской, а также стеклянные перегородки, разделяющие помещение на более компактные отсеки.

Не спеша входить, бойцы замерли на пороге, вонзив в темноту лабы лучи трех фонарей. Внимательно, концентрируя свет на одном объекте, поочередно осмотрели все, что позволял угол обзора. И чем больше они замечали, тем шире становилась улыбка Хуго Энkvиста.

– Святая Цифра! – крикнул Невроз, высунувшись из-за Бакли, который, по его мнению, был способен прикрыть лысого от взрыва напалстеровой бомбы. – Да они же не успели ее вычистить...

Большого говорить нужды не было – в негромком, полном благоговения голосе машиниста прозвучала четкая и объективная оценка увиденной картины.

Тритоны, хозяйничавшие в лабе незадолго до Дня Станции, действительно не завершили эвакуацию цехов. Вероятно, просто не успели, когда не без помощи их сумасбродного Пророка мир съехал с катушек, путившись отплясывать джигу.

О незаконченном переезде красноречиво сообщали пустые столы и офисные кресла, сдвинутые в один угол. Или составленные в штабели коробки с микросхемами. Или накрытые пленкой заводские микроскопы и целый гардероб защитных костюмов, в которых граверы ухаживали за работой в «чистый» цех первого класса. Или демонтированные с рабочих мест, законсервированные, но не вывезенные полуавтоматизированные агрегаты по сборке плат. Навскидку можно было предположить, что адепты Сорок Два успели забрать наружу не более двух третей оборудования электролабы.

Хуго вошел первым, ощущая себя средневековым конкистадором, обнаружившим мифическое Эльдорадо. Спрятал пистолет и двинулся вдоль стен настолько осторожно, словно находился в музее. Наследия тритонов в лабе сохранилось так много, что впору было покупать переносной генератор и восстанавливать систему освещения, прежде чем начинать оценку.

Невроз, напрочь забыв о недавних страхах, восторженно перебегал из одной «отсечки» в другую, тараторя практически без умолку.

– Бригелла, подсвети сюда... да сюда, говорю тебе, чем слушаешь?! О, это же «поплавки»... Смотри, шеф, целая партия, почти закончена... Сюда свет, Бригелла, не шатайся! Даже аргоновый тигель для поликристаллического кремния... А в соседнем цехе модули для фотолитографии! Генераторы ионизированной плазмы... Всемогущая Цифра, да это же части комплекса «ТЕК-9»! Никогда бы не поверил, что его можно развернуть в «домашних» условиях... Да не уходи ты от меня, Кодо! И вообще, дай-ка фонарь сюда... Нет, вы только посмотрите!

Однако командир «горностаев» не разделял восторгов своего машиниста.

Да, хорошее «железо» всегда высоко ценилось на рынках мира, хоть и изрядно обесценившись после Инцидента. Ценилось в той же степени, что и корпоративное оборудование для его изготовления. Неужто поляк прав, и они действительно нашли фрагменты «ТЕКа»?.. Но внимание блондина приковали не россыпи микросхем и не тушки наполовину начиненных «раллеров».

Он смотрел на рабочие места гравиров, с которых тоже успели унести далеко не все. На разбросанные по столам «балалайки», скорее всего, липовые и оформленные на виртуалов. На электронные пропуска в промышленные комплексы Кот-Де-Перрона. На настенную доску для пометок, изрисованную маркером, – побледнев от времени, покрывшись пылью, она все равно пестрела читаемыми надписями и формулами, смысла которых Энквист не понимал.

Бродя по комнатам, Хуго совал в карманы армейских штанов все, что его мозг помечал, как «потенциально важное». Фотографировал на «балалайку» схемы, графики и чертежи на стенах. Увлеченный открытием, он не сразу спохватился, что Кодо и Бакли все еще находятся в дверях, держа лестницу под прицелами «дрелей».

– Невроз! – Одним спокойным словом Энквист прервал ликования Даниэля. – Спокойно. Сейчас мы не сможем вдумчиво оценить находку. Однако я не исключаю, что вернуться сюда повторно друзья мистера Алии нам не позволят. Поэтому у тебя есть десять минут, чтобы проанализировать все ценное, что нам под силу унести. Все, что может навести нас на новый след «Кромлеха», ты меня услышал? Остальное придется бросить, замуравав лабу так, как это было сделано до нашего визита.

Определенно расстроившись, Жицкий тем не менее послушно кивнул. В первую очередь он оставался «горностаем» Хуго Энквиста, а уже потом машинистом, теряющим голову от вида таких богатств.

Потерев лицо руками и заставив себя сосредоточиться, бритоголовый двинулся по комнатам мастерской, оценивая все, на что падал луч фонаря. Что-то бормотал, что-то совал в карманы комбинезона, что-то откладывал в сторону.

Хуго, довольно улыбнувшись, направился к выходу.

Почти в это же мгновение все и пошло не по плану.

Бинарный код 101

«А мы по-прежнему считаем, что Анклавы должны стоять над государствами. Не наоборот».

Михаил Щеглов, начальник Управления дознаний и первый заместитель директора московского филиала СБА

– Фулл-хаус!

Бифорд лениво растянул губы до ушей, что на его «лошадином» лице смотрелось несколько гротескно и жутковато. Высоченный, если не сказать – долговязый, он протянул длинные ручищи, приготовившись загребать банк, даже не привставая со стула.

– Три десятки, две дамы. – Победитель вскрыл десятки, придвигая их к уже имевшимся на столе. – Полный дом, друзья! Пора звать гостей...

– А, проклятье, пара пятерок к вашим дамам! – Плакса небрежно сбросил карты «рубашкой» вверх, проведя рукой по лысине и что-то пробубнив под нос. Что-то неприличное. – И чего я ввязался?..

– Не спеши, каланча... – Вкрадчивый голос Муджалида заставил Бифорда застыть, в недоумении глядя на третьего участника партии. Пальцы декомпилятора чуть-чуть не дотянулись до неровной пирамиды монет, громоздившейся в центре стола. – Лифчик с жены будешь с таким рвением срывать... Покер же любит вдумчивость и неторопливость, не так ли? Вот вам, парни!

И он аккуратно, коротким веером подложил к уже имеющимся на флопе картинкам еще две карты. Образовав каре на дамах.

– Четыре одного рода, не так ли? Соси кеды, Плакса. Извини, Орландо...

Тот, почти прикоснувшись подушечками пальцев к холодному металлу мелких фэней, ошарашенно уставился на победную комбинацию. Отстранился от выигрыша, нескладно прикрыв локти на стол перед собой и чуть не опрокинув чашку остывшего кофейного напитка.

– Пятый раз подряд, проклятье! – Плакса заматал татуированной головой, отказываясь верить. – С вами играть – только разоряться... Все, дальше без меня.

Он встал, со скрипом отодвигая стул по бетонному полу. Забрал футлярчик с чипом. Вынул из кармана сигареты, отошел в дальний угол комнаты и щелкнул зажигалкой.

– Да как скажешь, – усмехнулся Муджалид ибн Шавкат по прозвищу Кончар ему вслед, по одному цзяо перекладывая добычу на свою часть стола. – Мы на трусов не в обиде... Ну что, командир, еще раздачу?

Лучше бы не улыбался.

Покрытый шрамами, да еще и с рождения красотой не одаренный, руководитель силового крыла организации в моменты радости был похож на тролля, упавшего в кислотный чан. Однако сидевший напротив Орландо Бифорд, его старый друг и неформальный глава остатков группы, глаз от страшного зрелища не отвел.

– А ну-ка, Муджалид, покажи-ка затылок?

Он легким движением отбросил с плеч две короткие каштановые косы, заплетенные так, чтобы не закрывать разъем «балалайки». В отличие от других декомпиляторов, Бифорд никогда не стриг голову и не наносил татуировок. Поговаривали, что именно это спасло долговязому жизнь, когда после Инцидента в большинстве городов мира машинистам устроили ночь Нового Варфоломея.

– Это еще с чего? – неподдельно удивился ибн Шавкат, перестав пересчитывать монеты и приподняв лежавшую рядом «балалайку». – Все честно, перед игрой снял, как все!

– Так... – Орландо вымученно улыбнулся, начиная укрепляться в подозрениях. – Повернись. Это приказ, если угодно.

– Недоверие? – с грустью протянул Кончар, скалясь так, что морщины и шрамы на квадратном лице заколыхались живым ковром змей. – Главный враг настоящей дружбы, Бифорд, я говорил тебе об этом?

– Бывало, – со знанием дела кивнул тот. Но смотрел неотрывно, даже не мигая. – Повернись.

– Ладно-ладно, ты меня разоблачил, не так ли? – Хохотнув, коренастый уродец вынул из затылка еще одну «балалайку», щелчком пальца отправляя ее поверх вскрытых карт.

– Говоришь, покер любит вдумчивость и неторопливость? – нахмурился, впрочем, без особой злобы, старший декомпилятор. – Пять раз подряд сорвать банк? Сдается мне, Муджалид, твой покер любит просчитывать вероятность с помощью индивидуального чипа, что запрещено и на официальных турнирах, и на дружеских посиделках... Плакса, иди сюда, дели банк этого жулика на двоих...

– Все я не жулик, друг мой, – парировал Кончар, уже не впервые пойманный за руку, но без ссоры спускающий сей факт лидеру общины. – Меня благословляет и ведет Цифра, не так ли? Это она подсказывает мне, когда сбросить, а когда идти ва-банк...

И он искренне рассмеялся, глядя на пунцового Плаксу.

– И когда только вставить успел? – прошипел тот, пересчитывая юани. – Руки же на виду постоянно...

– Ай, жмот, все бы тебе искать подвох! – Неожиданно радостный для разоблаченного шулера, ибн Шавкат встал из-за стола, потягиваясь и хрустя суставами. – Нет чтобы поверить в чудо?! Пять выигрышей подряд, не это ли *оно*?

– Перестань, Кончар.

Бифорд произнес это очень тихо, но зарвавшийся декомпилятор притих, словно больше походил на домашнего пуделя, чем на боевого мастифа. Все трое невольно повернулись к закрытой двери, за которой гудело так, что пробивалось даже сквозь усиленную металлопластиком створку.

– Прости, Орландо, – почти искренне извинился Муджалид, почесывая щеку. – Занесло меня, ты же знаешь, что я никогда...

Стушевался. Взглянул на узкую горизонтальную панель коммуникатора над дверью в рабочие кабинеты, где для посетителей комнаты отдыха плясали столбцы оперативной информации из «командного центра». Заметил значок устойчивого сигнала. Торопливо добавил, чтобы скрыть подступающее смущение – в первую очередь от совсем юного Плаксы, чью утреннюю смену решили скоротать старшие декомпиляторы:

– Ты не напрягайся, бездельник. Дядя Муджалид сам проверит, как прошла операция в Кёльне...

И ушел, не дожидаясь ответной реакции Бифорда. Стало слышно, как в соседней комнате заскрипел старый рабочий стул, а затем тихонько зацокали клавиши «раллера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.